

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru. Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

4 (174)
март 2014

12+

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2

Истоки нашей силы и слабости

О них говорили на седьмом заседании семинара «Историческая память: XX век», который три года проводится под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

С. 5

Вызовы современного мира Православию будут обсуждаться через два года на Всеправославном соборе

6–9 марта в Стамбуле прошла встреча предстоятелей и представителей Поместных православных церквей. На ней обсуждалась подготовка запланированного на 2016 год собора

С. 6-7

Вопрос о человеке – один из самых острых для людей, проходящих оглашение

Несколько номеров подряд мы планируем публиковать интервью по теме предстоящей конференции СФИ. В этом номере о раскрытии темы человека на основном этапе оглашения размышляют Владимир Якунцев и Давид Гзгзян

Открытая встреча

Сегодня в нашем приложении – виртуальная экскурсия по выставке работ выдающегося русского художника Павла Дмитриевича Корина (1892–1967), представленной в залах Третьяковской галереи на Крымском валу. Её ведет преподаватель церковного искусства Свято-Филаретовского института профессор А.М. Копировский

Самая горячая тема XXI века

В Свято-Филаретовском институте на конференции в мае собираются обсудить, как раскрывается тема человека на основном этапе оглашения

Конференция продолжит цикл, посвящённый проблемам возрождения катехизации в русле святоотеческой традиции. Начиная серию подготовительных публикаций, представляющих собой прежде всего интервью с катехизаторами, мы хотели бы вспомнить основные итоги предыдущих конференций, связанных с темой возрождения святоотеческой традиции катехизации.

Первая из них – «Традиция святоотеческой катехизации: пути возрождения» – прошла в Москве в мае 2010 года. Для участия в обсуждении СФИ собрал в основном практиков, не первый год занимающихся миссией и катехизацией. Именно это обстоятельство позволило его участникам поделиться не умогательными построениями и схемами, а пережитым и выстраданным опытом. В

конференции приняли участие священнослужители и миряне трёх Поместных православных церквей (было представлено пятнадцать епархий РПЦ), преподаватели и студенты духовных семинарий и академий, представители ПСТГУ, сотрудники связанных с тематикой конференции синодальных отделов – ОРОиК и Миссионерского отдела МП.

Вторая из этой серии ежегодных конференций прошла в мае 2011 года. В этот раз внимание участников было сосредоточено на первом этапе катехизации – на оглашении так называемых «слушающих». Как отмечала в те дни «Кифа», «состав участников, кажется, не претерпел за год значительных изменений, однако появились и некоторые новые интересные лица. Это оказалось очень плодотворным и сильно содействовало созданию вдохновляющей

рабочей атмосферы. Как другой позитивный момент следует отметить тот факт, что представители от многих епархий приехали непосредственно по благословению своих правящих архиереев. Это не просто некий символический знак. Такое благословение можно рассматривать как свидетельство того, что понимание важности катехизации начинает охватывать все «слои» церковного общества, как его «низ», так и «верхи». Только в такой всеобщей, соборной заинтересованности и открывается реальный шанс что-то принципиально изменить в деле катехизации в нашей церкви». В том же репортаже отмечалось, что выступления на конференции были весьма разнообразными – от почти академических докладов до простых сообщений, обобщающих некие практические разработки или просто свидетельствующие

Окончание на с. 6–7

Выход из рабства

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Не философ и не богослов, а «свободный христианский мыслитель», Бердяев внес существенный вклад в разработку важнейших проблем, по сей день актуальных не только для христианства, но и для современной цивилизации. Он, без сомнения, принадлежит к плеяде людей, которые составляют золотой фонд того, что в XX веке русский народ даровал всему миру.

О том, что значит для нас сегодня его наследие, мы беседуем с ректором Свято-Филаретовского института профессором священником Георгием Кочетковым. В течение многих лет отец Георгий преподаёт курс «Проблемы мистики», важную часть которого составляет обсуждение со студентами одной из ключевых работ Бердяева.

Факт, широко растиражированный СМИ, – то, что кремлёвским чиновникам рекомендовано в обязательном порядке прочитать «Философию неравенства. Письма к недругам по социальной философии». Вы знаток трудов Бердяева. Как Вы считаете, это может быть полезным для нашей страны? Выбор именно этого произведения Вас удивляет или Вы считаете его удачным?

Во-первых, насколько я знаю, рекомендовано читать не всю работу «Философия неравенства» Николая Александровича Бердяева, а только избранные небольшие части, отдельные параграфы. Думаю, это будет не такое простое чтение для наших чиновников. Хотя эта работа довольно простая и сравнительно ранняя, написанная сразу после революции, однако она требует достаточно большой культуры – философской, социальной, духовной и даже религиозной. Я не очень уверен, что наши чиновники такой куль-

турой обладают. Во-вторых, я предполагаю, что им особо не с чем сравнивать. И в-третьих, думаю, что это всё-таки не центральная работа Бердяева.

Имя Бердяева звучало в положительном, но, правда, немножко странном контексте, странном потому, что его стали вписывать в некую не очень подходящую для него концепцию так называемого динамичного консерватизма. Бердяев, конечно, очень хорошо знал традицию и умел её творчески развивать, но он человек, всегда устремлённый вперёд и вверх, чего опять же трудно ожидать от психологии современных чиновников. Поэтому я не знаю, что из этого получится в реальности. Думаю, что не много.

И всё-таки упоминание имени великого русского мыслителя, философа, богослова и социального мыслителя и деятеля, конечно, факт положительный. Только дай Бог, чтобы Николай Александрович, если уж кто-то будет его читать, был прочитан правильно, без искажений, без объективации его наследия.

Окончание на с. 4

«Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу»

Николай Александрович Бердяев родился 18 марта 1874 года в Киеве в аристократической нецерковной семье. С подросткового возраста почувствовал призвание к философии, в 14 лет прочитал Канта и Гегеля. Во время учёбы в Киевском университете примкнул к марксистскому движению. Был арестован, исключён из университета. Вскоре разочаровался в марксизме, разглядев в нём тенденцию к тоталитаризму. Обличал октябрьский переворот 1917 года как ведущий к человеконенавистничеству. Дважды был арестован в советской России, а затем выслан из страны на «философском пароходе» в 1922 году. В эмиграции основал журнал «Путь», ставший органом русской христианской мысли в Европе. Скончался за рабочим столом 23 марта 1948 года в Клараме под Парижем.

Из книги Н.А. Бердяева «О рабстве и свободе человека»

Из главы «Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью»

Человек находится в рабстве, он часто не замечает своего рабства и иногда любит его. Но человек стремится также к освобождению. Ошибочно было бы думать, что средний человек любит свободу. Ещё более ошибочно думать, что свобода лёгкая вещь. Свобода трудная вещь. Оставаться в рабстве легче. Любовь к свободе, стремление к освобождению есть показатель уже некоторой высоты человека, свидетельствует о том, что человек внутренне уже перестаёт быть рабом. В человеке есть духовное начало, независимое от мира и не детерминированное миром. Освобождение человека есть требование не природы, разума или общества, как часто думают, а духа. Человек не только дух, он сложный состав, он также и животное, также и явление материального мира, но человек также и

дух. Дух есть свобода, и свобода есть победа духа. Но ошибочно было бы думать, что рабство человека происходит всегда от власти животного-материальной стороны человека. В самой духовной стороне человека могут быть тяжёлые заболевания, может быть раздвоение, может быть экстерниоризация и самоотчуждение духа, может быть утрата свободы, может быть пленение духа. В этом вся сложность проблемы свободы и рабства человека.

Из главы «Прельщение и рабство национализма. Народ и нация»

Истина всегда бывает в личности, в качестве, в меньшинстве. Но эта истина в своём жизненном проявлении должна быть связана с народной жизнью, она не означает изоляции и замыкания. Национальный мессианизм есть соблазн, он не совместим с христианским универсализмом. Но вера в призвание своего народа необходима для его исторического существования.

Окончание на с. 8

Официальные новости

Митрополит Варсонофий поддержал идею сохранения своеобразия Санкт-Петербургской митрополии

Новый митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий прибыл 22 марта в Петербург. На Московском вокзале его встречали губернатор города Георгий Полтавченко, настоятели крупнейших храмов и монастырей Петербурга и горожане.

Митрополит Варсонофий ответил на вопросы журналистов прямо на перроне. Он сказал, что будет рад служить в Петербурге и планирует «укреплять здесь православие, восстанавливать и строить новые храмы, воскресные детские школы». Владыка поблагодарил

митрополита Владимира за большую работу в Петербурге.

Последний вопрос митрополиту Варсонофию прозвучал от газеты «Кифа»:

Каким Вы видите своеобразие Санкт-Петербургской митрополии и планируете ли Вы его сохранять?

Митрополит Варсонофий: Конечно! Мы будем всё только улучшать. А то, что здесь наработано, – останется. Свообразие в митрополии действительно есть – я читаю отчёты и знаю, что это так.

Затем митрополит Варсонофий поехал в Казанский кафедральный собор, где совершил молебен.

Справка

Митрополит Варсонофий – постоянный член Священного Синода Русской православной церкви, Управляющий делами Московской Патриархии. Родился 3 июня 1955 г. в многодетной крестьянской семье. В 1976–1979 гг. обу-

чился в Московской духовной семинарии. В 1982–1986 гг. обучался в Московской духовной академии, защитил кандидатскую диссертацию по истории Афона. После окончания МДА направлен на пастырское служение в Пензенскую епархию. В 1991 г. рукоположен в архиерейский сан, стал епископом Саранским и Мордовским (с 2001 г. – архиепископ). 31 марта 2009 г. назначен исполняющим обязанности Управляющего делами Московской Патриархии, 25 декабря 2009 г. утверждён в этой должности. 1 февраля 2010 г. возведён в сан митрополита. С 22 марта 2011 г. – член Высшего церковного совета Русской православной церкви. В октябре 2011 г. был назначен главой Мордовской митрополии, решением последнего Синода (март 2014 г.) – главой Санкт-Петербургской митрополии.

Материал подготовила Анастасия Наконечная

Церковь и общество

Истоки нашей силы и слабости

Завершилась ли в нашей стране гражданская война 1917 года или продолжается по сей день? Будет ли покаяние народа проявлением силы или слабости? Какие реальные шаги по возрождению исторической памяти инициируют московские жители?

Ответы на эти вопросы прозвучали на седьмом заседании семинара «Историческая память: XX век», прошедшем в Высшей школе экономики 17 марта. Семинар проводится под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

«Белая» армия – банда?

Вопросам реабилитации жертв гражданской войны начала XX в. и перспективам национального примирения в современной России был посвящён доклад Константина Морозова, профессора кафедры гуманитарных дисциплин факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заместителя председателя совета Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». По словам выступавшего, основная сложность с реабилитацией участников гражданской войны лежит в юридической плоскости: какую власть в период гражданской войны следует считать легитимной?

Константин Николаевич привёл несколько ярких примеров осуждения участников гражданской войны, которые носили необоснованный и порой даже нелепый характер. В частности, министры правительств, которые создавались на территориях, занятых белыми, осуждались как коллаборационисты, т. е. пособники оккупантов. Или такой факт: в законе о реабилитации нет иных определений, кроме как «военные формирования красной армии», поэтому предполагается, что всё, что не красная армия, а, например, белая – «бандформирования». По такой логике командующие белыми армиями рассматриваются как «главари бандформирований».

Говоря о проблеме национального примирения, Константин Морозов на-

помнил участникам семинара, что в научном историческом сообществе существует позиция, вызывающая острые дискуссии: гражданская война не завершилась и по сей день. По мнению докладчика, гражданская война завершилась в 60–70-х гг. XX столетия – период, существенно отличающийся от того, который указывают в энциклопедиях и справочниках (1922/1923 гг.).

Шаг сильного человека и сильного народа

С докладом «Что такое покаяние в церковном понимании (личное и общественное)» выступил на семинаре Дмитрий Гасак, председатель Преображенского содружества малых православных братств.

Докладчику удалось осветить все аспекты этой темы через историю восприятия в церкви самого понятия «покаяние». Он говорил о том, что покаяние всегда кажется «несвоевременным»:

«Чаще всего человек бывает к нему не готов, – подчеркнул Дмитрий Гасак. – Несвоевременность покаяния обусловлена и тем, что оно не является естественным событием, оно чаще всего против естества и, как правило, внезапно... Это всегда внутренний переворот в сердце человека».

Покаяние – акт, созидующий и собирающий личность человека, проявление духовной силы человека, мужества и дерзновения. Однако у покаяния кроме личного измерения должно быть и

общественное: в истории действуют не только личности, но и сообщества, народы.

«Некоторые ошибки, преступления и грехи имеют не столько индивидуальное, сколько общественное значение и требуют соответствующей реакции общества», – сказал Дмитрий Гасак.

Тему покаяния необходимо сделать доступной для современного общества, «перевести» её на понятный ему язык. Все участники семинара сошлись во мнении, что эту тему необходимо развивать, поскольку состояние нашего общества вызывает много опасений. Одно из проявлений кризиса – то, что у нас одни и те же вещи часть населения считает безусловным добром, а другая – злом. Нет единых ценностных оснований жизни. И даже если мы, говоря о них, произносим одни и те же слова, мы вкладываем разное содержание. И именно перемена ума и жизни – покаяние – позволит обрести единое понимание.

Мы хотим помнить о том, что было с нашей страной

Во второй части семинара шёл разговор о том, что для возрождения исторической памяти хотят сделать жители Москвы. Елена Жемкова, член правления Международного общества «Мемориал», рассказала о проекте «Последний адрес», объединившем историков, правозащитников, гражданских активистов, дизайнеров и архитекторов. Его цель – увековечить на улицах российских городов имена жертв политических репрессий. Небольшая памятная табличка с именем, профессией, годами жизни человека может быть установлена по личной инициативе и на средства кого-то из граждан на доме, который стал последним адресом расстрелянного. Важно, чтобы у каждой таблички был свой «попечитель», чтобы люди были готовы нести ответственность за сохранение памяти. Сейчас проект находится на стадии согласования в правительстве Москвы.

Она рассказала, что с инициативой таким образом возродить память о жертвах репрессий выступили некоторые московские товарищества собственников жилья. Причём их настойчивость и желание

осуществить этот проект были настолько велики, что люди, не дожидаясь решений разных инстанций, были готовы сами сделать и установить мемориальные знаки.

В свою очередь протоиерей Кирилл Каледа, настоятель храма Святых новомучеников и исповедников Российских в

Бутово, внук сщмч. Владимира Амбарцумова, и Игорь Гарькавий, директор мемориального музея «Бутово», сообщили об установке памятных досок на храмах Московской области священнослужителям, погибшим во время репрессий. Отец Кирилл рассказал о недавней установке такой памятной доски в храме одного из сёл Подмосковья. По его словам, поражает тот факт, что впервые в истории России на трассе установили указатель не только с названием храма, но и с упоминанием того, что в этом храме служил священномученик.

Семинар «Историческая память: XX век» действует под эгидой Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с 2011 года и собирает известных общественных деятелей, политиков, историков, журналистов для обсуждения темы возрождения исторической памяти в нашей стране. Ведёт семинар декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Сергей Караганов.

Информационная служба Преображенского братства

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); **в Санкт-Петербурге:** в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) **Санкт-Петербург:** +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 29 марта 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 31 марта 2014 г.

Духовное образование

Свято-Филаретовский институт и Университет имени Лучиана Благи заключили договор о сотрудничестве

Свято-Филаретовский православно-христианский институт в Москве и Университет имени Лучиана Благи в Сибиу (Румыния) заключили договор об академическом, научном и культурном сотрудничестве.

Договор двух вузов предусматривает разностороннее сотрудничество между их богословскими факультетами: обмен преподавателями, научными сотрудниками и студентами, проведение совместных конференций и научно-исследовательских проектов, разработку образовательных программ, обмен опытом в области миссии и катехизации,

а также взаимную поддержку университетских библиотек и сотрудничество в издательской сфере.

«Мы видим наш долг в том, чтобы инициировать и развивать двустороннее сотрудничество и академический обмен ради воплощения нашей православной веры и укрепления нашего академического потенциала», – говорится в документе.

Богословский факультет Университета имени Лучиана Благи был основан в 1786 году. Среди выпускников факультета – первый патриарх Румынии Мирон (Кристя), митрополит Германский и Центрально-Европейский Серафим (Жоанта) и другие известные деятели церкви, культуры, богословы, писатели, философы, преподаватели. Библиотека факультета насчитывает порядка 230 000 книг и более 850 периодических изданий, не считая рукописей.

Свято-Филаретовский институт связывает многолетнее сотрудничество с профессором Университета имени Лучиана Благи священником Василе Михоком, который неоднократно участвовал в международных научных конференциях Института в Москве. В 2013 году в СФИ с лекцией по биоэтике выступил профессор Себастьян Молдован из Университета имени Лучиана Благи.

Софья Андросенко
Информационная служба СФИ

Университет имени Лучиана Благи

Российский православный университет и Свято-Сергиевский православный институт в Париже заключили соглашение о сотрудничестве

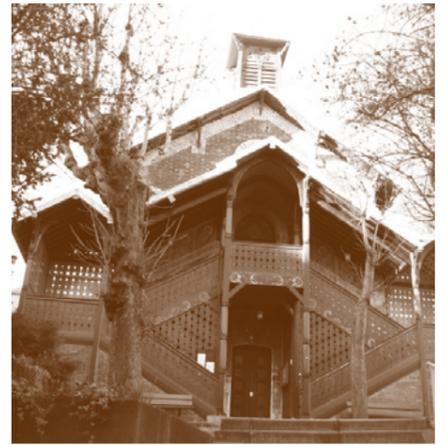
Документ подписали ректор РПУ игумен Пётр (Еремеев), ректор Свято-Сергиевского института архиепископ Телмисский Иов (Геча) и декан протоиерей Николай Озолин.

Стороны договорились совместно содействовать «духовному, культурному, образовательному и научно-му развитию традиций своих стран, способствовать повышению уровня духовно-нравственного, национально-культурного развития личности, развитию и укреплению сотрудничества между образовательными учреждениями стран мира», а также способствовать развитию религиозного образования в России и Франции.

РПУ и Свято-Сергиевский православный институт намерены разрабатывать совместные образовательные, научные, культурно-просветительские международные программы, направленные «на создание гармоничной нравственной среды в мировом социокультурном сообществе, воспитание подрастающего поколения в духе нравственных традиций». Также вузы планируют проводить совместные конференции, семинары, симпозиумы, форумы и другие международные мероприятия с участием студентов, аспирантов и преподавателей Университета и Института.

Свято-Сергиевский православный богословский институт (фр. Institut de theologie orthodoxe Saint-Serge) – высшее учебное заведение Западноевропейского экзархата русских церквей Константинопольского Патриархата. Учреждён в 1925 году на втором съезде Русского студенческого христианского движения. Стал духовным центром русской эмиграции. Преподавание в настоящее время ведётся на французском языке (с 1995 года действует также курс экстерната на русском языке).

Седмица.ru

Свято-Сергиевский институт

Новости православных братств

Если не поступаешь по правде, перестаёшь быть человеком

13 марта в Риге прошёл вечер памяти, посвящённый исповедническому служению о. Павла Адельгейма, организованный членами Преображенского братства

Главным в жизни о. Павла была встреча с Богом, и это определило всю его дальнейшую судьбу, – под черкнула ведущая, Иоанна-Яна Калниня, член Преображенского братства из Риги и студентка СФИ.

Местом, где проводилась встреча памяти о. Павла Адельгейма, Рига стала не случайно: он служил в Рижской епархии в 1975–1976 гг., когда правящим архиереем был владыка Леонид (Поляков). Тогда митрополит Рижский и Латвийский Леонид сам пригласил о. Павла, которого другие архиереи боялись брать в свою епархию, опасаясь конфликтов с властями: незадолго до того Ферганский уполномоченный по делам религий Рахимов и КГБ выжили его из Ташкентской епархии. Об этом напомнила член Преображенского братства Мария-Лига Зариня.

Как вспоминает о. Павел, в то время он унывал и вдруг получил приглашение от митр. Леонида (Полякова). Протоиерея Павла Адельгейма направили в Алуksне (бывший город Мариенбург, где родилась императрица Екатерина I).

«Приглашение обрадовало всю семью и наполнило надеждами. Мы приехали в Ригу троём с младшими сыном и дочерью. Владыка принял нас в Рижском монастыре, пригласил разделить его трапезу. За обедом мы вспоминали общих знакомых, – пишет о. Павел Адельгейм. – В рижском соборе я впервые услышал чтение Апостола на русском языке. Владыка объяснил, что апостольские послания требуют большого напряжения для понимания на русском языке, а на славянском становятся совсем непонятными для слушателей».

На встречу памяти о. Павла собрались самые разные люди – прихожане право-

славных храмов, студенты Латвийского университета. Те, кто читал в сети об о. Павле Адельгейме и его мученической кончине и захотел услышать рассказы людей, лично встречавшихся с замечательным священником.

Приход в Алуksне был дружный, прихожане сами построили вместительный дом для священника с семьёй, храм был высоким и красивым. Однако и дом, и храм требовали ремонта. Владыка Леонид вручил о. Павлу значительные деньги для ремонта храма, и всё лето ушло на косметический ремонт храма. В епархии не хватало священников, а у о. Павла был «Запорожец», поэтому его посылали служить ещё и на приходах Виляки и Вентспилса. На приходе в Алуksне случались и курьёзные ситуации:

«Владыка просил меня служить частично на латышском языке. Мне понравилось предложение, и я с жаром начал овладевать чтением Евангелия и служебника по-латышски, – вспоминает о. Павел. – Кажется, с латышским языком я переборщил. Владыка сказал мне с улыбкой: “Жалуются на тебя, что много по-латышски служишь. Говорят, что Вы, Владыко, нам латыша прислали? Мы ничего не понимаем, у нас в приходе одни русские”».

Ольга Борисова, выпускница СФИ, занимающаяся исследованиями церковной истории советского периода, рассказала о духовных учителях, истоках и преемстве служения о. Павла. Её сообщение касалось в основном периода служения о. Павла в Ташкентской епархии, ставшего завкаской всего его дальнейшего священнического пути. Архиепископ Ермаген (Голубев), архимандрит Серафим (Суторихин), архимандрит Борис

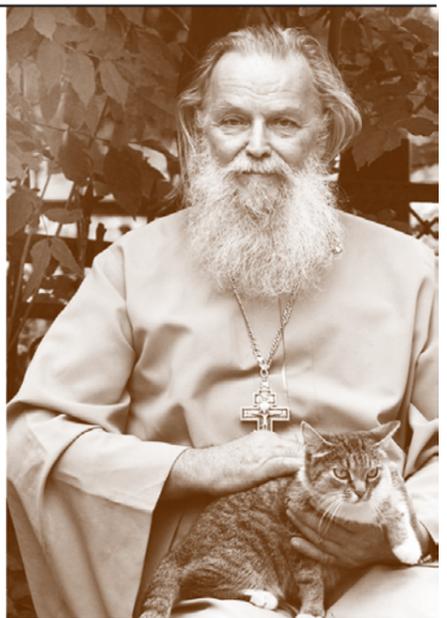
(Холчев) – те, о ком сам о. Павел говорил как о «людях подвига». У них он учился «прежде всего, богослужению, проповеди, пастырской заботе». Обо всех этих людях они беседовали в далёких 1980-х с владыкой Леонидом.

«Как-то Владыка пригласил меня на свою дачу в Дубулты. Мы поехали на службу всей семьёй вместе с Надеждой Александровной Павлович*. Владыка пригласил меня на богослужение. После Литургии мы все вместе пили чай у него в доме. У нас оказалось много общих знакомых, друзей и наставников... Владыка был в дружеских отношениях с Надеждой Александровной. Мы тоже встречались с ней прежде и переписывались. В Юрмале она проводила лето, снимая крошечную комнатку. В доме Владыки пили чай и беседовали. Надежда Александровна делилась воспоминаниями об о. Никоне и о. Нектарии Оптинских, тепло вспоминали Мечёвых, о. Бориса (Холчева), их маросейских чад. Говорили о Блоке, его творчестве и жизни», – пишет о. Павел.

На встрече были показаны фильм Преображенского братства «Взраст хлеба так солнечно и щедро» о том, как о. Павел построил храм в Кагане, и фрагменты из его проповедей.

Ольга Борисова рассказала об одном разговоре с о. Павлом Адельгеймом, во время которого она задала ему вопрос о его борьбе против неправды как в церковной, так и в общественной жизни: «Как же Вы боретесь и ничего не боитесь?» Ответ о. Павла был простым:

«Какая же это борьба? Никакой борьбы нет, просто если я не буду поступать по правде, я перестаю быть человеком». Это направило взгляд присутствующим на себя. Что значит для нас опыт такой исповеднической жизни? Одна гостья заметила, что если мы не будем стремиться обрести внутреннюю целостность, то наша расколотовость и раздвоенность – когда мы говорим одно, делаем другое, а думаем третье – может привести к тому, что зло нас может победить. Именно пример искренней целостной жизни о. Павла Адельгейма задает за живое, побуждает людей осознать всю опасность раздвоенности, задуматься о том, как мы живём, и всеми силами стремиться обрести целостность и бескомпромиссность, служение Богу всей своей жизнью.

Ольга Борисова, Иоанна-Яна Калниня, Дарья Макеева
В статье использованы материалы блога о. Павла Адельгейма Информационная служба Преображенского братства

* Надежда Александровна Павлович (17.09.1895–3.03.1980) – писательница и поэт, дружившая с А. Блоком, духовная дочь прп. Нектария Оптинского, знавшая Мечёвскую общину.

Выход из рабства

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Особорности, творчестве, личности говорили разные философы и до Бердяева. В чём его новизна? Почему Вы называете его пророком, человеком, сопоставимым по значению для христианства с апостолом Павлом?

Дело в том, что говорить можно по-разному. Без всякого сомнения, у Бердяева были предшественники. Соборность – старое понятие, которое было введено ещё Хомяковым. До этого существовало лишь понятие «соборный», «соборная церковь», а вот соборность – это уже новый аспект, это некое качество жизни не только Церкви, но и каждого человека.

Дальше, творчество – понятие, которое прежде всего восходит к представлению о Боге как Творце мира. Размышление о творчестве в этом смысле было традиционным в церкви и во всех других религиозных системах, которые признавали Бога Творцом мира, то есть и в иудаизме, и в исламе. Но творчество в отношении человека – тоже понятие довольно новое, не очень традиционное, как и соборность, я уж не говорю про личность.

Понятие лица действительно старое: и психологического лица человека – это устойчивая древняя терминология, и онтологического лица – я имею в виду термин «ипостасис» в греческом языке, или «persona» в латинском; этим понятием много оперировали на протяжении веков. А вот различие лица и личности до сих пор является для многих проблемой. В западной культуре неразличение того и другого – совершенно обычная вещь. Но и в православном богословии, к сожалению, с лёгкой руки Владимира Николаевича Лосского также обычно отождествляют личность с лицом, с ипостасью, что, конечно, не очень корректно. Это возможно как один из концептов – всё возможно представить себе концептуально, – но, тем не менее, вряд ли оправданно. Бердяев хорош как раз тем, что он связал крепкой нитью экзистенциально-го опыта, который требует преодоления объективации духа, все эти три понятия. Он поставил на твёрдую почву духовного качества свободы и любви понятие творчества и соединил понятие личности с соборностью. Он вывел все эти понятия в сферу какого-то первоначального, необъективированного, не обработанного мыслью опыта, объединил их именно таким образом и получил необыкновенно мощный результат.

Он последовательно развил эти понятия в отношении всех основополагающих сторон человеческой жизни, человеческой истории и человеческого будущего. Он соединил снова человеческое с божественным и вывел в область Царства Духа, противопоставив её области царства кесаря, т.е. мира сего. И это тоже оказалось уникальным.

До сих пор опыт, встречающийся в работах Бердяева, по сути неповторим, но он мало кем усвоен. Бердяев сам говорил, что его плохо понимают. Думаю, что так оно и было, так и есть до сих пор. Бердяев в большой степени – и это он тоже признавал – работал на будущее. Поэтому в нормальном случае именно людям будущего надо изучать Бердяева, надо его знать и творчески применять для решения самых разных внутренних и внешних проблем человеческой жизни, человеческого существования на всех уровнях личного, личностного и общественного бытия.

Часто можно слышать о том, что Бердяева читать легче, чем того же отца Сергия Булгакова или других наших мыслителей. То есть у читателя действительно может возникнуть ощущение понятности.

Да, у многих людей, особенно не очень внимательно читающих Бердяева, создаётся впечатление, что он вообще много повторяется, говорит об одном и том же, что он слишком афористичен, не раскрывает своих идей, своих мыслей,

он их не доказывает, как положено было бы доказывать философу. Я много раз слышал такого рода мнения, но, думаю, они не очень основательны. Он действительно ко многим темам приступал не однажды в своей жизни, но каждый раз их дорабатывал, отработывал их заново. И каждый раз стремился их обогатить, развить.

Бердяев рассчитывает на интуицию человека и на его знания. Сам он даёт только некие векторы. Например, он называет имена, на которые опирается. Здесь для него очень важен был Достоевский, но, конечно, и многие другие. Он никого никогда не повторяет один к одному. Его «афоризмы» – это некоторое мистическое озарение, сгустки его духовного опыта, его творческой мысли. Не видеть этого значит действительно не понимать Бердяева.

Внешне он может показаться понятным, и он действительно создаёт такое впечатление. Но я видел не так много людей, которые бы его как следует понимали. Он будит мысль, будит человека, но всё-таки содержание этой мысли у каждого человека своё. И насколько человек способен правильно понять интенции опыта Бердяева, это вопрос непростой.

О жизни Бердяева мы знаем разное. С одной стороны, он пророчески говорил о том, что будущее принадлежит свободным духовным союзам верующих, и сам до конца жизни оставался членом РСХД. С другой – называл себя бунтарём и протестантом против всяческого насилия над достоинством и свободой человека. Мы знаем, что он вышел из братства Святой Софии, возглавляемого отцом Сергием Булгаковым. Получается, что даже человек, понимающий всю ценность братства, не всегда в силах в нём оставаться...

Он, конечно, всегда был за такой союз, за такое общение, за общину, за братство. Он всегда это повторял и восстаивал только тогда, когда встречался с объективацией духа, со снижением духовных задач. Ведь он вышел из братства Святой Софии не потому, что был против братства, а потому что считал его в недостаточном смысле братством. Там было слишком много вторичных интересов – научных, интеллигентских, политических. Бердяев не видел там первичного интереса, связанного с личностным общением, которое, как он считал, должно стоять на первом месте. И действительно, не так легко было построить или найти такое братство. Такие братства и в истории-то были уникальны.

Так что Бердяев всегда был за высшее качество христианской жизни, человеческой жизни. Причём обращался он ко всем людям, независимо от их убеждений, профессиональной принадлежности, национальности, культуры, социального положения и т. д. Он был человеком, как бы созданным для общения. Те, кто видел Бердяева, кто с ним встречался, – а я разговаривал с такими людьми не однажды, – все говорили, что он всегда тут же старался вступить в общение. Даже когда он видел перед собой ребёнка, он всё равно прежде всего с ним общался, общался почти на равных, не так, как было принято в то время. Совсем на равных, конечно, это было бы невозможно, но он пытался найти какую-то общую платформу в опыте. И меня всегда удивляло, как он выстраивал это общение, никогда не жалея на него времени и сил.

Поэтому я не вижу тут большого противоречия. Иногда для того, чтобы остаться, надо сначала уйти. Для того, чтобы достичь принципиальных целей среди своих соотечественников, надо иногда их на какое-то время покинуть. Мы знаем недостатки Братства святой Софии, как и недостатки РСХД, но мы знаем и их положительные стороны. Всё было в развитии, в живом контексте. Да, Бердяев, конечно, часто настаивал на своём, но именно на том, что могло озна-

меновать высшее качество жизни. Он не принимал никакого снижения, а случаев такого снижения он видел много. Он и коммунистическую идею воспринимал как снижение того, к чему должен был стремиться человек, он воспринимал её как нечто частичное, одностороннее и часто неподлинное, порочное.

Можете ли Вы назвать тех, для кого Бердяев был действительно церковным учителем, помимо Оливье Клемана? Вопрос связан с тем, как можно осуществлять идеи и прозрения Бердяева в реальной церковной жизни, кто смог показать такой пример в личной жизни.

Думаю, он влиял на всех людей первой половины XX века: и на французских философов, и на деятелей культуры, и на церковных деятелей, и на интеллигентов, на аристократов – на всех. Его нельзя было обойти, его нельзя было обехать, его нельзя было игнорировать. Можно было с ним не соглашаться, можно было его ругать, называть его еретиком или как-то ещё, но его нельзя было не увидеть, не почувствовать, не признать. Случай с Клеманом, конечно, классический случай того, как неверующий, но очень талантливый человек нутром почувствовал истину в том, что говорит Бердяев, и как эта истина его привлекла и сделалась центром всей его жизни. И это замечательно.

Я удивляюсь, как много было самых разных людей, в том числе и в Европе, которые именно под влиянием духовных задач и духовных интенций русской эмиграции первой волны выбрали Православие. Думаю, в этом смысле диалог Бердяева с тем же отцом Сергием Булгаковым, как и с другими лучшими деятелями русского религиозно-философского возрождения, был очень плодотворным.

Конечно, нельзя говорить о Бердяеве и сразу ставить точку. Он существовал в живом и совершенно уникальном контексте духовного возрождения. И нам нужно это возрождение продолжать, его надо приводить в жизнь уже в современной России, которая очень далека на сегодняшний день от исполнения этих задач, но которая начинает чувствовать необходимость в постановке этих вопросов и их решении. Без Бердяева здесь невозможно. Бердяев – центральная фигура, он тот, на кого можно и нужно опираться.

Бердяев действительно учитель, но не в дидактическом смысле этого слова. Он слишком творческий человек, чтобы заниматься дидактикой, и поэтому он может быть близок только людям открытого духа, открытого сердца, открытой веры, открытого христианства – открытого Богу, Его живому Слову и людям, какими бы они ни были в своём прошлом или даже настоящем. Он учитель, повторяю, не в обычном смысле этого слова. Его книги ни в коем случае не учебники, как и его статьи, – это прежде всего новая возможность оживления духа и постановки важнейших вопросов, на которые нужно найти более полные, полноценные ответы. Это, мне кажется, главное.

Контекст

В дополнение к интервью мы публикуем фрагмент воспоминаний о Георгии Кочеткова:

Я познакомился с книгами Бердяева случайно в середине 1970-х годов. И мне попала сразу одна из самых выдающихся его книг, которая называлась «Slavery and freedom» – «О рабстве и свободе человека» в русском варианте. И это было совершенно ошеломляющее впечатление, потому что казалось, что самое сокровенное, самое тайное, самое глубокое и внутреннее, о чём только я смел думать, никому, может быть, даже не решаясь признаться в своих мыслях, я находил в его книгах. И было впечатление, что это какое-то «дежавю», как будто бы вот это внутренне знал с рождения, может быть, даже до своего рождения, как будто это было, есть и будет всегда.

Это как некая глубочайшая истина,

Молитва Моисея после перехода через Чермное море. И.Н. Крамской, 1861 г.

которая покрывает собою всю человеческую историю, весь мир. Я много лет интересовался философией, богословием, историей, культурой, разными религиями, но ни один автор, – за исключением, может быть, новозаветных: евангелиста Иоанна и апостола Павла, – ни один из них, мне кажется, не может быть поставлен рядом с Бердяевым. Вообще я считаю, что Николай Александрович Бердяев может быть спокойно поставлен на второе место после апостола Павла по революционности, глубине, смелости, свободе мысли, духа, жизни – всего того, о чём обычно так трудно говорить. И вот я проверял себя, – после того, как узнал эти вещи, понял, почувствовал, – я потом проверял себя по Бердяеву. При этом я по характеру человек, который не склонен соглашаться легко и просто с кем бы то ни было вообще. И я совсем, – даже при таком понимании значения Бердяева – совсем не хотел с ним соглашаться только потому, что он Бердяев. И каждый раз, читая очередную его книгу или статью – а я искал всё, что мог найти, вообще всё, – мне хотелось прочитать его, как говорится, от «а» до «я». Таких людей было несколько в моей жизни, но он, на верное, среди них стоит на первом месте.

Бердяев учил именно вещам, которые относятся как к отдельному человеку, к личности, так и к общению людей. Творчество, общение, личность, личностность, а также духовные болезни, экстернизации, объективации духа, которыми заражены все современные люди, – вот он эти вещи описал так, что уже не хочется возвращаться назад. Мир до Бердяева и после Бердяева – это разные миры. Как ни странно, мы, как это, к сожалению, нередко бывает в России, абсолютно не знаем своего наследия. А если даже что-то и знаем, то не умеем его правильно оценить. Мы готовы им поделиться, но для того, чтобы делиться, надо сначала его оценить, надо понять, что это будет интересно и важно другому человеку. Именно Бердяев научил меня – хотя у него нет таких слов и призывов напрямую – давать авансы любви и доверия каждому человеку, которого я перед собой вижу в жизни. Мне это очень помогает не только на исповедях, но вообще каждый день, потому что это то, что не может делаться принуждённо или по программе, по какой-то идее или идеологии, или в силу притяжения какого-то идеала.

Я всем рекомендую когда-нибудь в жизни прочитать хотя бы что-нибудь из больших серьёзных произведений Николая Александровича. Его нелегко читать. Его текст очень афористичный, там каждая фраза – это афоризм. Он очень тезисный, очень концентрированный, очень сжатый. При этом очень горячий. Я действительно почитаю его своим учителем в самом глубоком духовном смысле. И считаю, что пока наша церковь не освоит этот трудный, отнюдь не для детей созданный, данный нам Богом духовный материал, пока мы не пройдём всех тех искушений, которые связаны со знакомством с большими трудами Бердяева, до тех пор церковь вряд ли сможет восстановить полноту своей духовной жизни.

Беседовала Анастасия Наконечная
Источник – сайт <http://psmb.ru>
Материал для контекста перепечатан с личного сайта священника Георгия Кочеткова

Вызовы современного мира Православию будут обсуждать через два года на Всеправославном соборе

6–9 марта в Стамбуле прошла встреча предстоятелей и представителей Поместных православных церквей. Главным на ней стало обсуждение вопросов, связанных с подготовкой Всеправославного собора

История вопроса

Считается, что после эпохи Вселенских соборов, закончившихся VII Вселенским собором 787 года, общеправославных соборов больше не было (на Западе в эти века продолжали проходить соборы Католической церкви, носившие в ней название вселенских). Тем не менее и в этот период в разные века проходили различные общеправославные или межправославные соборы.

В начале XX века под эгидой Константинопольской церкви состоялись встречи, имевшие своей целью подготовку Всеправославного собора: Межправославный конгресс в Константинополе (1923 год) и Межправославная подготовительная комиссия в Ватопедском монастыре на Афоне (1930 год). Но, так как на них имели место попытки утвердить некоторые положения откровенно обновленческого характера, иерархи Русской православной церкви противостояли такой тенденции (на Конгрессе 1923 года) или же вовсе не принимали участия в работе Комиссии (в 1930 году).

Спустя два десятилетия по инициативе Русской православной церкви в 1948 и 1958 годах в Москве состоялись Совещания глав и представителей Поместных православных церквей, на которых был принят ряд решений: об отношениях со Всемирным советом церквей, об англиканской иерархии, о церковном календаре и т. д. Эти решения были признаны рядом Церквей, однако некоторые другие Церкви воздержались от их одобрения.

Через несколько лет, в сентябре 1961 года, было создано первое Всеправославное совещание на острове Родос в Греции. На нём был предложен обширный каталог тем, обобщённых в 8 разделов: 1. Вера и догмат; 2. Богослужение; 3. Управление и церковный строй; 4. Взаимоотношения между православными Церквями; 5. Взаимоотношения Православной церкви с остальным христианским миром; 6. Православие в мире; 7. Общеправославские темы; 8. Социальные проблемы.

Все Поместные церкви должны были высказать свою точку зрения на эти проблемы, затем их должны были обсуждать на Предсоборе. Для выполнения этого решения Священный Синод РПЦ учредил 10 мая 1963 года Комиссию по разработке Родосского каталога в составе большой группы богословов из числа иерархов, клириков и мирян. Руководство работой комиссии было поручено архиепископу Ярославскому и Ростовскому Никодиму (Ротову), который возглавлял делегацию РПЦ на всех Всеправославных совещаниях. В начале августа 1968 г. эта комиссия завершила работу, подготовив для Священного Синода проект высказываний по темам каталога.

IV Всеправославное совещание, проходившее 8–15 июня 1968 г. в Женеве, выработало процедуру подготовки Собора. Было принято решение проводить подготовку Собора не Предсобором, как предполагалось, а на Всеправославных предсоборных совещаниях и на предшествующих им Межправославных комиссиях по подготовке Великого собора Восточной Православной церкви. Совещание учредило Секретариат в Шамбези (Швейцария), выбрало из Родосского каталога 6 тем, к разработке которых приступили Поместные православные церкви. Константинопольская Патриархия должна была разрабатывать тему «Источники Божественного Откровения», Болгарская церковь – «Более полное участие мирян в богослужбной и прочих областях жизни Церкви», Сербская церковь – «Приведение церковной дисциплины о посте к требованиям современности», Русская и Элладская церкви – «Препятствия к браку: изучение современной практики Поместных церквей и их церковного судопроизводства и выработка, по возможности, едино-

образия вышеуказанной практики для всей Православной церкви; календарная проблема в свете решений I Вселенского собора о пасхалии и изыскание пути к восстановлению единообразного действия Церквей в этом вопросе», Румынская церковь – «Иконономия в Православной церкви».

После этого состоялось в общей сложности четыре Всеправославных предсоборных совещания (1976, 1982, 1986, 2009) и шесть Межправославных подготовительных комиссий (1971, 1986, 1990, 1993, 1999 и 2009). Как вспоминал митрополит Минский и Слуцкий Филарет в своём интервью «Кифе», опубликованном в 2003 году, «митрополитом Никодимом (Ротовым) была проведена большая богословская работа по подготовке списка вопросов на Всеправославное совещание. Тогда было выработано 112 вопросов. Каждая церковь должна была дать по ним ответ. И вот наша церковь, одна из первых, а может быть, и единственная, я так подозреваю, дала ответы – своё видение всех этих 112 проблем. Потом список этих вопросов, конечно, сократился, сейчас вообще осталось сначала, кажется, десять, а потом всего четыре вопроса, по которым мы должны встретиться и с которых должны начаться серьёзные межправославные отношения: это вопрос диаспоры, вопрос автокефалии, автономии, диптихов. Вот по этим вопросам мы с Греческой церковью никак не можем сойти с мёртвой точки... Мы надеемся, что что-то изменится и мы вновь вернёмся к тем межправославным конференциям, которые были».

В результате осложнений в отношениях между Московским и Константинопольским Патриархатами из-за разногласий по вопросу церковного устройства в Эстонии в работе подготовительных комиссий в начале 2000-х годов произошёл длительный перерыв. Встреча иерархов Православных Церквей в 2008 г. в Стамбуле сделала возможным возобновление сотрудничества в подготовке собора.

Контекст

В течение последних 20 лет тема Всеправославного собора остаётся одной из самых острых в так называемых фундаменталистских СМИ. Если сейчас набрать в любом поисковике запрос «Всеправославный собор», в числе первых ссылок появятся статьи, опубликованные на сайтах «Благотворный огонь», «Русская народная линия», «Чёрная сотня» и пр. По словам митрополита Волоколамского Илариона, «сейчас в церковной и околоцерковной среде распространяется разного рода литература, в которой говорится о том, что готовится VIII Вселенский собор, но это будет антихристов собор, поскольку на нём православные подпишут унию с католиками, откажутся от старого календаря, отменят посты, священникам разрешат вступать в брак во второй раз и так далее. Если вам попадётся в руки такая литература, не используйте её даже в хозяйственных или гигиенических целях – уничтожайте эти издания, чтобы они не отравляли ваши умы или не попали в руки кому-нибудь другому, кто имеет слабую веру, кто не способен отличить белое от чёрного, правду от неправды, информацию от дезинформации. В данном случае мы имеем дело с дезинформацией, которая сознательно распространяется людьми, находящимися либо в расколе, либо на грани раскола. Такими публикациями они, прежде всего, стараются подорвать доверие к Священноначалию нашей Церкви».

Планы

Собор планируется провести в 2016 году. Его предполагаемые темы: 1. Православная диаспора. Определение юрисдикции православных объединений за пределами национальных границ.

2. Процедура признания статуса церковной автокефалии.

3. Процедура признания статуса церковной автономии.

4. Диптих. Правила взаимного канонического признания Православных Церквей.

5. Установление общего календаря праздников.

6. Правила и препятствия для совершения таинства брака.

7. Вопрос поста в современном мире.

8. Связь с другими христианскими конфессиями.

9. Экуменическое движение.

10. Вклад православия в утверждение христианских идеалов мира, братства и свободы.

О том, как должно проходить их обсуждение, говорили участники встречи в Стамбуле.

Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своём слове, в частности, представил присутствующим видение Русской православной церкви по вопросу о подготовке Всеправославного собора, выраженное Архиерейским собором в Москве в феврале 2013 года: что на Всеправославном соборе все решения должны приниматься на основе единогласного волеизъявления всех Поместных Церквей, а не большинством голосов, что регламент и повестка дня Всеправославного собора, принципы его формирования, протокол его богослужений и заседаний, проекты основных соборных документов должны быть предварительно согласованы всеми Поместными православными церквями. «Иерархи Русской церкви считают, что подготовка Всеправославного собора должна предусматривать широкое обсуждение готовящихся постановлений и отличать особенной заботой о сохранении чистоты православного вероучения. Члены Архиерейского собора считают необходимым, чтобы президиум Всеправославного собора составляли предстоятели всех Поместных православных церквей и чтобы на Соборе епископат Поместных церквей был представлен максимально полно», – говорится в постановлениях Архиерейского собора Русской православной церкви.

Разъясняя суть данной позиции, Святейший патриарх Кирилл напомнил, что именно принципом консенсуса до сих пор успешно руководствовался предсоборный процесс, начатый Родосским совещанием 1961 года, на котором по инициативе Константинопольского патриархата данный принцип был положен в основу принятия решений. Именно на этой основе были согласованы перечень вопросов повестки дня Всеправославного собора, регламент работы Всеправославных предсоборных совещаний и проекты решений по восьми из десяти тем, вынесенных на Собор. «Принцип консенсуса зарекомендовал себя с лучшей стороны, и было бы контрпродуктивно и крайне опасно отказываться от него при подготовке Собора», – считает предстоятель Русской православной церкви.

«Все темы повестки дня Собора необходимо хорошо и совместно подготовить, найти по ним согласие. Если какие-то вопросы не сумеем сразу согласовать, не надо бояться отложить их на рассмотрение следующих соборов. Если мы сумеем достойно подготовить этот Собор, думаю, он не будет последним», – сказал он.

Он также обратил внимание собравшихся на вызовы современности, которые Собор не может обойти: «Это и массовое изгнание христиан из ближневосточного и североафриканского региона, грозящее исчезновением христианского присутствия на исконных землях первоначального распространения христианства. Это и духовная губительность культуры потребления, лежащего в основе экономического кризиса, поразившего многие страны христианского мира.

На встрече глав и представителей Поместных церквей

Теперь уже, к сожалению, псевдохристианского мира. Это и попытки внедрения так называемой гендерной философии, разрушающей основы нравственности и семьи, – попытки, которые затронули западные страны и сейчас надвигаются на православный восток. Это и проблемы биоэтики, такие как клонирование, суррогатное материнство и всё, что претендует на вторжение в саму богозданную человеческую природу».

Предстоятель Грузинской православной церкви в своём выступлении особо отметил, что Вселенские соборы проводились с целью защиты от ересей и укрепления истинного вероучения, цель же ожидаемого Всеправославного собора иная: продемонстрировать современному миру единство и единогласие православных народов. «Поэтому мы считаем необходимым созвать этот Собор только после того, как все вопросы, вынесенные на повестку дня, будут рассмотрены и разрешены на основе консенсуса, когда будут учтены интересы всех Церквей. Формат этого Собора также должен быть определён на основе консенсуса», – сказал патриарх всея Грузии Илия II.

В свою очередь патриарх Румынский Даниил упомянул о том, что собрание предстоятелей – «это не Всеправославный собор, а всеправославное изображение автокефальных Синодов, председателями которых являются предстоятели, участвующие в Синаксисе... Духовный авторитет Синаксиса увеличивается тогда, когда поощряется совместная ответственность ради единства Православия».

По его мнению, сегодня братским Православным церквям необходимо больше совещаться и сотрудничать в связи с тремя большими вызовами современного мира. Это секуляризация и религиозное безразличие, это феномен миграции, который создаёт новые общественные и пастырские проблемы, особенно когда миграция спровоцирована войной или гонениями, как это сегодня можно видеть в Сирии или в других местах, это экономический кризис, который призывает христиан к проявлению большей солидарности по отношению к бедным, больным и одиноким.

Немного статистики

Во встрече участвовали делегации тринадцати Поместных православных церквей – Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской, Албанской, Польской. Из существующих в мире признанных Поместных церквей на встречу, к сожалению, не были приглашены представители двух последних из них в диптихе (официальном списке) – Православной церкви Чешских земель и Словакии, а также Православной церкви в Америке, не имеющей пока ещё общеправославного признания в качестве автокефальной.

Подготовлено по материалам сайта Службы коммуникации ОВЦС и сайта «Православная энциклопедия»

* По мнению митрополита Волоколамского Илариона, наиболее значительными из них были Соборы 879 и 1341 годов, Константинопольские соборы 1590 и 1593 годов, обсуждавшие вопрос утверждения патриаршества в Русской церкви, Ясский собор, состоявшийся в 1642 году, который одобрил исповедание веры митрополита Киевского Петра (Могила), Московский Собор 1666–1667 годов, в котором приняли участие Александрийский и Антиохийский Патриархи, Иерусалимский Собор 1672 года и Константинопольский Собор 1691 года.

Самая горячая тема XXI века

Начало на с. 1

В Свято-Филаретовском институте на конференции в мае собираются обсудить, как раскрывается тема человека на основном этапе оглашения

о чьём-то личном опыте: «Постоянно слышались реплики с мест, в шутовом ключе обыгрывающие бесчисленные "чудеса" нашей церковной эмпирии, но в этом не было никакого духа сарказма и уныния, как это часто, к сожалению, бывает в профессиональной церковной среде. Скорее, это дополнительно свидетельствовало о духе взаимного доверия и открытости. Многие приехали издалека и с решительным настроем духовно вместе потрудиться, поэтому атмосфера обсуждения часто была буквально накалена (но не от страстей). Накал возникал именно от духовного сосредоточения, общения, открытости и искренней заинтересованности в обсуждаемых вопросах, в большинстве своём весьма нетривиальных, часто не имеющих ни теоретического (более-менее известного из традиции), ни тем более современного практического решения. Но эти естественные трудности не только не останавливали участников, но наоборот, способствовали какому-то творческому настрою. Например, в конце второго дня конференции после доклада А.М. Копировского о проблемах современной огласительной проповеди между священниками завязалась живейшая дискуссия, в процессе которой тут же стали рождаться оригинальные и вполне осуществимые варианты решения затронутых вопросов. Всё это создавало удивительную атмосферу».

В третьей конференции из цикла (май 2012 года) приняли участие 70 человек из 17 епархий Русской православной церкви из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья – от Лиссабона до Хабаровска, священнослужители и миряне, преподаватели духовных школ, руководители епархиальных отделов по миссии и катехизации.

Вот как суммировал главный итог конференции журнал «Миссионерское обозрение»: «Третья международная богословская конференция по катехизации, проведённая в СФИ, показала тесную взаимосвязь вопросов подготовки катехизаторов с более фундаментальными вопросами воцерковления и экклезиологии. Служение катехизатора предполагает особый дар и особое призвание свыше, поэтому сегодня невозможно смотреть на него только как на одну из церковных "специальностей". Катехизация, как и распознавание и подготовка катехизаторов к служению – дело всей Церкви, которое может совершаться лишь изнутри определённой духовной среды. Сегодня Церковь призвана вновь осознать, что катехизация – не просто часть её жизни, а что она имеет прямое отношение к сердцевине, которая эту жизнь конституирует. Едва ли возможно говорить о возрождении катехизации там, где есть чуждый Христу дух недоверия, конкуренции, зависти, обиды,

претензии, гордыни. Ведь проблема – не в отсутствии методических разработок, а в том, как Церковь видит и осознаёт саму себя и своё призвание в этом мире. Если в Церкви найдутся люди, готовые прилагать усилия для того, чтобы служение катехизации вновь оказалось на своём месте, тогда и другие стороны её жизни будут вставать на свои места».

И, наконец, в мае 2013 года прошла конференция «Традиция святоотеческой катехизации: основной этап», на которой предметом обсуждения стал следующий за этапом «слушания» этап катехизации, в литургической традиции именуемый «второе оглашение», а также содержание одной из его тем – «Бог и мир. Сотворение мира». Основным этапом оглашения, связанный с непосредственной подготовкой людей к крещению или воцерковлению, в древней церкви занимал 30–40 дней, в течение которых группа катехуменов собиралась ежедневно. Переходу на второй этап предшествовало личное собеседование с епископом. В конференции приняли участие представители СФИ, Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ, Белгородской, Кузбасской, Пермской и Хабаровской духовных семинарий, Катехизаторских курсов во имя священномученика Фаддея Тверского при Российском православном университете, Епархиальных миссио-

нерских курсов города Москвы, Центра катехизации Катехетической комиссии Католической архиепархии Божьей Матери в Москве, Российской Церкви христиан веры евангельской и другие.

На конференции СФИ 2014 года будет продолжено изучение и обсуждение основных тем основного этапа катехизации. Предполагается рассмотреть в контексте огласительного процесса следующие содержательные блоки:

- сотворение, призвание, грехопадение человека;
- человек как образ и подобие Божие;
- детоводительство человека ко Христу (Закон и Пророки) и покаяние человека;
- искупление и спасение человека;
- человек до Закона, в Ветхом Законе и Новом Завете;
- человек эсхатологический на земле и на небесах.

Каждый день конференции будет открываться пленарным заседанием, продолжаться работой в малых группах и завершаться общим подведением итогов дня.

По итогам конференции предполагается издать сборник с текстами докладов и материалами дискуссий.

Сегодня мы публикуем первые два материала, связанные с темой предстоящей конференции.

Вопрос о человеке – один из самых острых для людей, проходящих оглашение

Интервью с Владимиром Якунцевым, сотрудником Методического центра по миссии и катехизации при СФИ

Какую цель ставит перед собой катехизатор в антропологической теме, которую мы обозначили как тему конференции? Насколько трезвый взгляд на человека – с одной стороны, на его падшесть, а с другой, на призванность – помогает воцерковлению, изменению пути?

Вопрос о человеке – один из самых острых для людей, проходящих оглашение, он их волнует прежде всего, даже прежде разговора о Боге. Начиная с этапа миссии наиболее востребованы ответы именно на ряд вопросов, связанных с человеком. И именно с этого надо начинать разговор. Сегодня мы чаще всего приходим к Богу через откровение о человеке. И основной этап катехизации должен как бы собрать воедино в духовном опыте катехумена всё то, о чём на этапе «слушающих» говорили в течение года, и добавить всё то, чего не хватало, чтобы получилась целостная, укоренённая в традиции картина спасения человека.

Почему вопрос о человеке является, как я уже сказал, одним из самых основных? Потому что на оглашении должен в большой степени разрешиться внутренний конфликт, очень чётко переживаемый, но очень сложно выражаемый человеком – конфликт между пониманием того, что «во мне что-то принципиально не так», и в то же время того, что «во мне есть что-то, что этому в корне противоречит и зовёт меня куда-то вперёд и вверх, к Богу». И на втором этапе на уровне керигим¹ раскрывается церков-

ное учение, которое позволяет человеку понять, в чём суть этого конфликта. Оказывается, обычный человек, которого мы знаем сейчас, грешник не потому, что он грешит, а наоборот: он грешит потому, что он грешник! Он оказывается грешником по своей природе – падшей. Вообще это страшное откровение. Это сравнимо с тем, когда какой-то человек вдруг начинает понимать, что за разрозненными нехорошими симптомами, которые он видит в разных частях своего тела, кроется одна серьёзная, смертельная болезнь. А здесь ещё серьёзней: такому, какой он есть по природе, недоступен путь на Небо – не потому, что Небеса закрыты, а потому, что сам человек по своей падшей природе не способен жить в Завете Любви с Богом. Это откровение постепенно нарастает в течение этапа «слушающих», и вот здесь – на основном этапе – оно находит своё завершение и... разрешение: одновременно совершенно чётко и ясно очерчивается Надежда, которая нам даётся от Господа. И эта Надежда одна – Господь наш Иисус Христос. Он – Новый Адам. Он Тот, приобщившись к Кому, мы можем обрести иную природу. Не просто перевоспитаться, не просто умягчиться сердцем, глядя на Него, а «перетвориться». И если последовательно раскрывать Слово Божье, какая же радость охватывает просвещаемых, когда до них доходит, что Иисус – не только Бог, Он и Человек! И цель катехизатора – помочь тому, чтобы то, что я сказал выше, дошло до ума и сердца просвещаемых.

Какие заблуждения, какие мифологемы в рамках этой темы чаще всего приходится опровергать, с чем бороться? Что труднее всего понять современному человеку?

По-разному бывает. Тем не менее можно сказать, что самых больших мифологем две, и они связаны друг с другом. Первая – что человек не настолько пал, чтобы ему была необходима какая-то надежда, находящаяся вне его. Согласно этому взгляду, спасать человека не

надо. Ему нужно только помочь, подставить плечо. Попросить помощи Божьей в этом случае люди согласны, но согласиться с тем, что их положение совсем безнадежно, человек не готов.

Второй предрассудок (не знаю – назвать это предрассудком или мифологемой) типичен прежде всего для нашей культуры. Это неверие в то, что Иисус на самом деле был Человеком. Потому что если всерьёз признать, что Он не только Бог, но и Человек, – это сразу рождает ряд следствий: значит, Ему можно и нужно подражать, и Он может быть моим Судьёй. А когда Он просто Бог, тогда это к нам в принципе как бы особо и не относится. Мы готовы восхищаться Иисусом Христом, мы готовы Ему даже поклоняться, но следовать и подражать Ему мы не можем в принципе.

Есть ли то, что было здесь упущено за века, пока не было катехизации?

Если нет катехизации, то неизбежно начинают «размываться» лежащие в основании вещи, вследствие чего церковный народ начинает скатываться до уровня Ветхого Завета, а потом и в язычество в форме разных суеверий. Когда нет катехизации, собственно, и получается то, о чём мы говорили, обсуждая выше две мифологемы.

Можно ли говорить о динамике темы антропологии в рамках системы оглашения отца Георгия Кочеткова за эти сорок с лишним лет? Что изменилось за это время в понимании темы, в её раскрытии?

Первое, что я хочу сказать, – что катехизация за эти годы всё более и более становилась, скажем так, «антропологичной», всё более и более исходящей из конкретной ситуации, в которой человек находится. И познание этого человека – не только того, который в церковном учении так или иначе раскрыт, но и того, который проходит оглашение, – приводило к необходимым изменениям катехизации: её удлинению, расставлению определё-

нных акцентов, продумыванию частей первого этапа, удлинению третьего этапа. Всё это исходило именно из антропологических выводов. Исходило из того, как человек живёт, как научается верить, как он усваивает духовный опыт, что можно сделать, чтобы это усвоение шло лучше.

Второе касается уже ситуации последнего времени и связано с работой о. Георгия над темой антропологии в рамках этапа, следующего за основным – мистагогии, таинства водства². Раньше на таинствах водства эти темы были немного «в тени» и излагались в конце – получалось всё время как-то «на выдохе». Сейчас они приобретают иное звучание и важность. Митрополит Каллист (Уэр) говорил, что если XX век был прежде всего посвящён экклезиологии, то век XXI будет посвящён антропологии. И, насколько я знаю, о. Георгий с этим согласен: тема антропологии действительно становится самой «горячей».

¹ Керигим (греч. κήρυγμα – провозглашение, проповедь) – новозаветный термин, близкий по смыслу к понятию Евангелие (не как книга, а как Благая Весть; ср. Рим 14:24; 1 Кор 1:21). Этимологически это слово восходит к κηρύττω – публично проповедовать, возвещать какое-либо важное учение. В Септуагинте глашатай керигим понимался обычно как светское лицо, вестник царской воли, хотя там встречаются и исключения (напр., Ион 1:2). Согласно Новому завету, керигим есть не просто изложение истин веры, а один из аспектов сотериологического процесса, ставящий человека перед тайной спасения и выбором пути. Обычное человеческое слово не может породить веры, но керигиматическая проповедь обладает особой силой, которая способна преобразить душу («вера, – говорит апостол, – от слышания», Рим 10:17). На этой силе керигимы зиждется и авторитет проповедующего (1 Фес 2:13). Он есть «соработник у Бога» (1 Кор 3:9), и, таким образом, его керигим входит в искупительный замысел Божий.

² Напомним, что система катехизации священника Георгия Кочеткова ныне состоит из трёх этапов: первый этап («слушающие») длится около 1 года и сам разделён на несколько частей; второй, основной этап («просвещаемые») продолжается около 2 месяцев и обычно совпадает или с Рождественским, или с Великим постом и заканчивается принятием крещения (для некрещёных), или миропомазанием (в особых случаях), или исповедью за всю жизнь; третий этап, таинства водства или мистагогия («новопросвещённые») также продолжается около двух месяцев.

Цельность человека – центр христианского откровения о спасении

Интервью с членом Межсоборного присутствия, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ Давидом Гэгзяном

ского бытия – немного. Беда в том, что и среди верующих людей их не слишком много...

Тема антропологии не только догматическая, но и не до конца в церкви разработанная. Как мы можем говорить о ней на основном этапе оглашения? Где граница той основы, которую можно назвать общепризнанным учением церкви? И есть ли она в отношении учения о человеке?

Основа, конечно, существует. И поскольку на оглашении речь идёт о самых принципиальных и основополагающих вещах – а здесь нужно раскрывать фундаментальные стороны божественного откровения, связанные с человеком, его местом перед Богом, – то неразработанность некоторого генерального общецерковного учения определяющим образом на оглашение не влияет. Катехизатору в первую очередь нужно собрать и систематизировать свято-отеческие толкования тех мест, которые касаются сотворения человека и его предназначения, смысла грехопадения, а также основных акцентов христианского учения о спасении. И хотя разработка общего антропологического церковного учения продолжает оставаться чрезвычайно желательной и востребованной, всё-таки уровень катехизации не предполагает, как известно, апелляции к трудным и проблемным сторонам верования, и поэтому одно с другим здесь принципиально не связано.

Насколько на уровне оглашения можно раскрывать темы личности и свободы, по-новому прозвучавшие в XX веке?

Если речь идёт о том, чтобы эти фундаментальные представления затронуть и обозначить (что, собственно, и требуется на оглашении), – это одна ситуация. И в этом случае обращение к таким понятиям, как свобода, личность, спасение в творчестве очень востребовано как раз потому, что мы имеем дело не с отвлечёнными катехизаторами, а с людьми, которые живут в нашей стране в XXI веке, – а значит, людьми с выраженными экзистенциальными запросами. Так что тут, мне кажется, сомнению не подлежит, что затрагивать весь этот круг представлений, обозначившийся в XX веке, в том числе в православном богословии, необходимо; другое дело, что затрагивание – это совсем не раскрытие, не дискуссия вокруг трудных вопросов, которые, безусловно, возникают в связи с обращением к подобным понятиям. Здесь, как и вообще в принципе при подходе к оглашению, к его тематике, к вопросам последовательной и целостной подачи церковного учения (это касается и тех этапов оглашения, которые в первую очередь обсуждаются на конференции), необходимо соблюдать принципиальное разграничение: этапы слушания и просвещения не предполагают прямого обращения к догматическому учению церкви, на них речь идёт только о том, чтобы помочь человеку в церковь войти. Поскольку на основном этапе катехизации мы ограничиваемся комментированием Символа веры, такая позиция методологически и богословски принципиальна.

Можно ли пояснить эту разницу примером?

Скажем, на тех этапах оглашения, которые предшествуют воцерковлению, не принято было говорить об общей антропологической структуре человека (и до сих пор целесообразно сохранять такой подход). Принято было её лишь обозначать: можно упомянуть, что человек может быть трактован как «трёхуровневое» существо, состоящее из души, души и тела, но не стоит вдаваться в собственно вероучительный

аспект, когда мы начинаем пространно рассуждать, что бы это значило, потому что тогда поневоле придётся затрагивать спорные, трудные вопросы – где граница духа, где граница души, как человеческий дух соотносится с божественным и так далее. Эти сложности, конечно, на оглашении опускаются. Они даже и на первых порах церковной жизни оказываются ещё не вполне доступными человеку – просто потому, что твёрдая пища не сразу может быть переварена. Дело, таким образом, не в сокрытии, просто по опыту церковного оглашения видно, что определённые вещи человеку не сразу становятся доступны, и поэтому, как правило, внутреннего интереса и, соответственно, вопросов не вызывают. Но обозначать эти вещи по инициативе катехизатора, конечно, необходимо. Вот это и называется помочь войти: обозначить принципиальные моменты, но не вдаваться в сложности, то есть как бы не воссоздавать на глазах изумлённой публики целостного учения, потому что оно для человека, который делает первые шаги даже не в церкви, а в сторону церкви, пока ещё не доступно.

Спасибо. Но здесь речь о разнице между оглашением и жизнью в церкви. А как можно проиллюстрировать разницу между вторым (основным) и третьим (таинствоводственным, мистагогическим) этапами оглашения?

Разница между вторым и третьим этапом касается того, что на третьем этапе прямо комментируются все фундаментальные вероучительные аспекты. Они именно систематически комментируются, но при этом оглашаемые не входят в проблемные вопросы. Им возвещается то, что церковь полагает бесспорным. А поскольку речь идёт о бесспорных вещах, не проблематизируемых, то это в принципе некий элементарный уровень. Я говорю о том, что вообще на оглашении стоит говорить, а чего говорить не стоит. Разумеется, что разница между вторым и третьим этапом ещё и в содержании. На третьем этапе речь идёт о внутрицерковном учении, а на втором этапе о систематическом вероучении желательнее без особой нужды не говорить вообще. Потому что и первый, и второй этап – и слушание, и просвещение – всё-таки в значительной степени рассчитаны на то, чтобы помочь вхождению в церковь, и значит, на первых порах речь идёт преимущественно о реагировании на живые вопросы, обозначенные самими оглашаемыми. Конечно, на этапе просвещения гораздо большее место, чем на этапе слушания, занимает упорядоченное систематизированное повествование. Но это повествование, которое комментирует историю и общий смысл божественного откровения, а не систему вероучения. На третьем же этапе мы уже пытаемся ввести новопросвещённых и в систему вероучения, но на уровне элементарном и, соответственно, бесспорном. Можно себе представить при таком подходе, что будет, если мы начнём пространно рассуждать о таких категориях, как личность, свобода, человеческий дух, трёхчастная или двухчастная антропология. Это будет перегрузка, которая обернётся в итоге не тем, что у оглашаемого наступит ясность (а это главная цель катехизического просвещения), а прямо наоборот: тем, что возникнет путаница. А вот чего катехизатор принципиально не имеет права допускать – так это того, чтобы провоцировать путаницу в сознании катехуменов.

Люди приходят на оглашение со своим «багажом», соответствующим представлениям современной

науки, в том числе в области антропологии. Нет ли резкого противоречия между этими представлениями и основами вероучения? Известно, что, скажем, протестантские фундаменталисты ведут настоящую войну с дарвинизмом. А возможен ли в этой сфере реальный диалог?

Мне кажется, вопрос о том, возможен или невозможен диалог – тривиален. А что ещё возможно кроме диалога, когда мы общаемся с живыми людьми, да ещё и заинтересованными? В противном случае надо или молчать, или отбиваться от нападок, если таковые появляются.

Трудность представляет другой вопрос: каков может быть режим конструктивного общения. Потому что известно, что принципиальная проблема и даже заблуждение – причём с обеих сторон, если говорить о теологах с одной стороны и деятелях науки – с другой, состоит в том, что считается, будто бы это поле возможного диалога очевидно. Главное, что показала история современных дискуссий (как правило, малосодержательных) и, соответственно, довольно пустых столкновений между, условно говоря, «теологической» и «сциентистской» партией, – что общего поля очень часто нет, по крайней мере, его очень трудно нащупать. Давно ясно, что в пределах научного мышления со времён Лапласа «гипотеза о Боге не является конструктивным элементом в науке», при том что сами люди, которые работают как учёные, могут быть как верующими, так и неверующими. Но то поле, в котором они находятся, будучи учёными, у них-то как раз общее, и оно совершенно нейтрально по отношению к вере. И вот как вследствие этого нам нащупать то пространство, в котором мы будем представлять друг для друга взаимный интерес (имеются в виду учёные и богословы), – это и есть самая главная и очень нетривиальная задача. И на сегодняшний день это вопрос открытый.

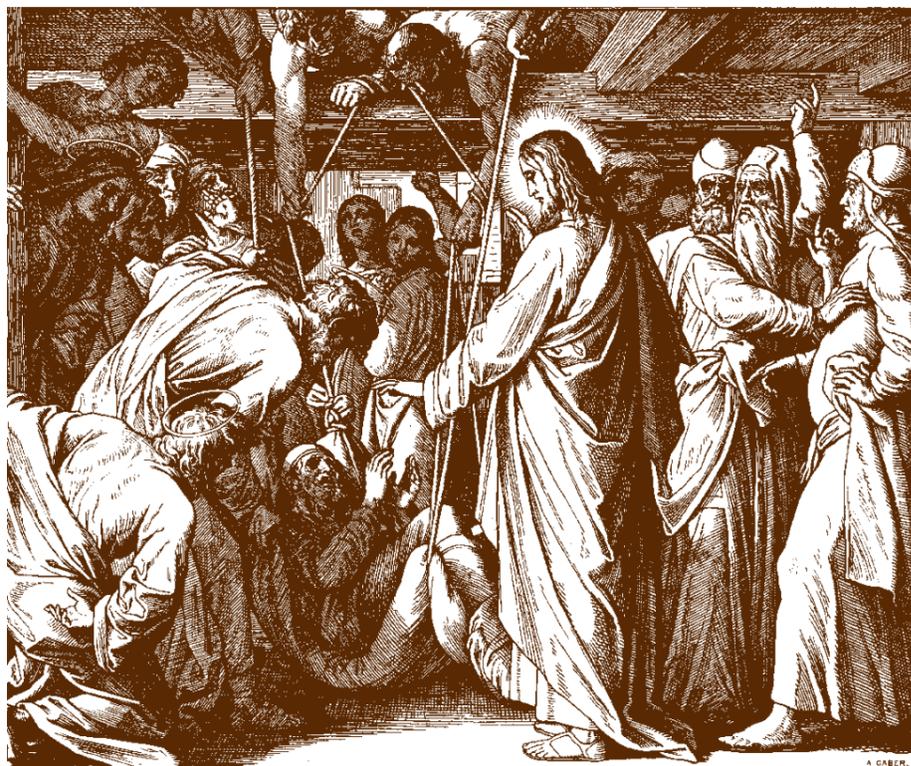
А известны ли Вам учёные, которые открыты к такому диалогу?

Там, где есть живые люди, там всегда есть, по крайней мере, надежда на такой диалог. Да, такие люди мне известны. Их немного. Но в наш ядерный век вообще почему-то так получилось, что людей с явно выраженным позитивным живым интересом к факту собственно челове-

Есть мнение, что антропологию Бердяева можно считать позапрошлым веком, потому что в её центре стоит человек – на сегодняшний же день мы имеем дело с «размазанным» человеком, растворённым в социокультурной и виртуальной реальности. То есть с гораздо более функциональным существом, чем тот, о ком писал Бердяев. И, скажем, этого массового явления он не осмыслил. Считаете ли Вы это новым вызовом для христианства, требующим ответа?

Вообще говоря, массовизация человека как раз и происходила во времена Бердяева, и во многом то, что он писал, было реакцией на этот процесс. Поэтому я, честно говоря, не думаю, что в этом отношении Бердяев, равно как и такие люди, как Ортега-и-Гассет, например, могут устареть. Так что я не очень согласен с самой постановкой вопроса – что наследие Бердяева устарело в силу того, что он в центр ставит человека в качестве цельного существа. Такая постановка проблемы ну никак не может устареть, потому что это главная точка напряжения, если иметь в виду содержание христианского откровения о спасении. Ведь что является итогом и смыслом человеческого спасения как не восстановление, а также новое творение такого человека? Так что то, что нынешнее видение человека поневоле обречено ориентироваться на реалии, где человек массы восторжествовал, превратившись в цивилизованного потребителя, правда, утратившего социальную агрессию, скорее говорит об актуальности идей Бердяева, а не о том, что они устарели.

С катехизаторами беседовали Анастасия Наконечная и Александра Колымагина

Исцеление расслабленного. Гравюра Юлиуса фон Шнорра. Источник – сайт <http://art-club.ru/>

«Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу»

Из книги Н.А. Бердяева «О рабстве и свободе человека»

Начало на с. 1

Человек нуждается в выходе из одиночества, в преодолении леденящей чуждости мира. Это происходит в семье, это происходит в национальности, в национальной общности. Индивидуальный человек не может прямо чувствовать себя принадлежащим к человечеству, ему необходимо принадлежать к более близкому и конкретному кругу. Через национальную жизнь человек чувствует связь поколений, связь прошлого с будущим.

<...> Национализм одинаково подавляет и человека, человеческую личность и человечество. Подавляет не самое качество «национального» в человеке, а объективация этого качества, превращающая его в стоящую над человеком реальность.

И «нация» и «народ» легко превращаются в идолов. Происходит объективация сильных эмоций. Самый посредственный, самый ничтожный человек чувствует себя возвышенным и приподнятым через причастность к «национальному» и «народному». Одна из причин порабощающих прельщений в том, что они дают человеку большее чувство власти. Делаясь рабом идола, он чувствует себя поднятым на высоту. Человек делается рабом, но без рабства он бы чувствовал себя ещё ниже стоящим. Когда человек безличен и в нём не раскрывается никакое универсальное содержание, то порабощение разного рода объективациями даёт ему ощущение наполненности. Этому рабству может противостоять только личность с духовным содержанием. «Национальное» легче всего наполняет пустоту, это оказывается возможным для огромных масс и не предполагает никаких качественных достижений. При этом отрицательные чувства, ненависть к евреям или к другим национальностям играют большую роль, чем положительные чувства. Так называемый национальный вопрос в сущности не может быть справедливо разрешён. С ним всегда бывает связана борьба. Вся история есть несправедливая аннексия. Национальности созданы несправедливым и насильственным подбором, как и исторические аристократии.

<...> В то время как национальное, народное входит в конкретно-универсальное, как входят все ступени индивидуализации, национализм не только враждебен универсализму, но и разрушает его. Так же враждебен национализм персонализму. Национализм нужно отрицать и во имя личного, и во имя универсального. Это не значит, что нет никакой ступени между личным и универсальным, но это значит, что находящаяся ступень национального не должна поглощать ни личного, ни универсального, а должна быть соподчинена им. Во всяком случае, должно быть отдано предпочтение «народному» перед «национальным». Христианство есть религия персоналистическая и универсальная, но не национальная, не родовая религия. Всякий раз, когда национализм провозглашает: «Германия для немцев, Франция для французов, Россия для русских», — он избобляет свою языческую и бесчеловечную природу. Национализм не признаёт ценности и прав всякого человека потому, что он, человек, имеет образ человека и образ Бога, несёт в себе духовное начало. Национализм есть самая распространённая в мире эмоция, наиболее человеческая, так как наиболее свойственная человеку, и наиболее античеловеческая, наиболее делающая человека рабом экстернизированной силы. Ошибочно и поверхностно думать, что защита немца, француза или русского есть защита конкретного существа, защита же человека, всякого человека, потому что он человек, есть защита абстракции. Как раз наоборот. Защита национального человека есть защита отвлечённых свойств человека, и притом не самых глубоких, защита же человека в его человечности и во

имя его человечности есть защита образа Божия в человеке, т. е. целостного образа в человеке, самого глубокого в человеке и не подлежащего отчуждению, как национальные и классовые свойства человека, защита именно человека как конкретного существа, как личности, существа единственного и неповторимого. <...> Тот, кто не видит брата в человеке другой национальности, тот не только не христианин, но и теряет свою собственную человечность, свою человеческую глубину. Страстные эмоции национализма выбрасывают человека на поверхность и потому делают человека рабом объективности.

Из главы «Прельщение и рабство аристократизма. Двойной образ аристократизма»

<...> Духовный аристократизм в отличие от аристократизма социального есть аристократизм личный, аристократизм личного благородства, личных качеств и даров. Персонализм предполагает аристократизм личных качеств, противостоящих всякому смешению с бескачественной массой, аристократизм свободы в противоположность детерминизму, под которым живёт раса и каста. <...> Рыцарство было огромным творческим завоеванием в моральном сознании. Аристократ первый в человеческом обществе почувствовал личное достоинство и честь. Но ограниченность его была в том, что он почувствовал это лишь для своей касты. Аристократизм свободы, аристократизм личного достоинства и чести должен быть перенесён на всех людей, на всякого человека, потому что он человек.

<...> Чувство вины и чувство жалости — аристократические чувства. Чувство обиды и чувство зависти — плебейские чувства. Слово «плебейский» я употребляю здесь в психологическом смысле. Весь смысл существования аристократического духовного типа — в существовании типа людей, которые не склонны испытывать состояние обиды и зависти, *ressentiment* (нем.: *затаённая обиды; неприязненное чувство; (неосознанная) зависть, вражда — ред.*) и которым более свойственно испытывать состояние вины и жалости, сострадания. Но социализация аристократического душевного типа, т. е. образование аристократической касты, всегда ведёт к тому, что вместо подлинно аристократических душевных свойств являются свойства совсем иные — гордость, превозношение, презрение к низшим, защита своих привилегий.

<...> Аристократическая порода необычайно чувствительная и страдающая. Господа же грубы и бесчувственны. Господин, в сущности, — плебей, господство есть плебейское дело. В процессе объективации обнаруживается плебейство духа. Образование объективированного общества есть плебейское дело. Но значит ли это, что личный аристократизм остаётся как бы замкнутым в себе и ни в чём не выраженным вовне? Конечно нет. Но он выражает себя в иной перспективе, не в перспективе общества, а в перспективе общения, не в перспективе социализации, а в перспективе коммюнитарности, в персоналистической общности людей, общения «я» с «ты», а не с «он», не с объектом. Это есть перспектива эсхатологическая по отношению к этому миру, но она означает изменение этого мира, прорыв, прерыв той инерции, которая порождена объективацией. Это значит также, что человек не будет более господствовать над человеком.

Из главы «Прельщение и рабство революции. Двойной образ революции»

Нет ничего вечного, нет ничего установленного Богом в объективированном мире. Возможно лишь достижение временного равновесия и непрочного, кажущегося благополучия. За сравни-

тельно короткий период люди при-выкают к отсутствию кризисов, войн, революций. Но почва всегда остаётся вулканической. Годы относительного равновесия и спокойствия скоро пройдут, лава извергается из недр земли, обостряются непреодолимые противоречия. Революции, неизбежные в существовании обществ, внушают одним ужас и отвращение, другим же внушают надежду на новую, лучшую жизнь. Человеческим обществом управляет князь мира сего, и управляет в неправде. Поэтому естественно, что против этого управления периодически происходят восстания. Но очень скоро этими восстаниями против неправды вновь овладевает князь мира сего и творит новую неправду. В этом двойственность революции. В революции совершается суд Божий. В революции есть момент эсхатологический, как бы приближение к концу времён. Но революция есть болезнь, она свидетельствует о том, что не нашлось творческих сил реформирования общества, что силы инерции победили. В революции есть демониакальный элемент, в ней происходит взрыв духа мести, ненависти и убийства. В революции всегда действует накопившееся *ressentiment* и побеждают творческие чувства. Желать можно только революции, в которой не будет демониакального элемента, но он всегда в известный момент побеждает. Революция в очень малой степени стоит под знаком свободы, в несоизмеримо большей степени стоит под знаком фатума.

Из главы «Прельщение войны и рабство человека у войны»

Романтизм войны, которому легко поддаётся и современная молодёжь, есть самый отвратительный романтизм, так как он связан с убийством, и притом не имеющий никаких оснований. Современная война есть страшная проза, а не поэзия, и в ней преобладает беспроблемная обыденность. Если войны прежних веков связаны были с личной храбростью, то это совершенно неприменимо к современным тоталитарным войнам. Так же как в современном государстве обнажается культ грубой силы и демониакальная воля к могуществу, так и в современной войне обнажается демониакальная мировая бойня, в грандиозных размерах истребляющая человечество и цивилизацию. Преведные войны были локализованы и ограничены. Современная война тоталитарна и абсолютна, как тоталитарными и абсолютными хотят быть современные государства. Смешно говорить о военных доблестях в современных химических войнах, истребляющих мирное население. Скоро даже войско не будет иметь никакого значения. Война совершенно механизирована и индустриализирована, она находится в соответствии с характером современной цивилизации. При этом техника войны такова, что вряд ли даже могут быть победители, все окажутся побеждёнными и уничтоженными. В руки людей, одержимых волей к могуществу, обладающих ложными ценностями, попадают страшные орудия, по сравнению с которыми прежние орудия были детскими игрушками. И судьба человечества делается целиком зависящей от духовного переворота, от морального состояния людей.

<...> Не думаю, чтобы верно было говорить о справедливых и несправедливых войнах. Это — применение моральной оценки к явлению, которое находится вне какой-либо морали. В прошлом войны бывали наименьшим злом, они иногда защищали справедливость. Сейчас война не может быть наименьшим злом, сейчас обнажается её сатанинская природа. Понятие «священной» войны и в прошлом было кошунственным.

<...> С эпохи Ренессанса люди начали думать, что мысль, знание, наука и литература, печатание книг имеют огромное, главенствующее значение. С нашей

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Николай Бердяев

О рабстве и свободе человека

«Человек есть царь и раб... Я вижу три состояния человека... которые можно обозначить как «господин», «раб» и «свободный». Господин и раб... не могут существовать друг без друга. Свободный же существует сам по себе... Мир рабства есть мир отчужденного от себя духа.»

эпохи начинается обратное движение. Опять думают, что главное — действовать мечом, да ещё каким отвратительным «мечом», что первые люди — военные, что война и убийства — главные средства. Но действующие мечом не ограничены уже никакими высшими началами, как было всё-таки в средние века. Ступенькается самое различие между состоянием мира и войны. Состояние мира есть тоже состояние войны, и войны ведутся без всякого объявления войны. <...> Продолжается соблазн военным героизмом и могуществом, но это лишь пропаганда, всегда лживая, никакой подлинный героизм более невозможен, ибо героизм предполагает существование личности. Современное государство и современная война никакой личности не признают.

Из главы «Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью»

Дух экстернизируется, выбрасывается вовне и действует на человека, как необходимость, и он возвращается к себе, внутрь, то есть к свободе. Одну сторону этого процесса духа понимал Гегель, но не всё понимал, не понимал, может быть самого главного. Человек свободный должен чувствовать себя не на периферии объективированного мира, а в центре мира духовного. Освобождение и есть пребывание в центре, а не на периферии, в реальной субъективности, а не в идеальной объективности. Но духовная концентрация, к которой зовут все наставления духовной жизни, может быть двойственна по своим результатам. Она даёт духовную силу и независимость от терзающей человека множественности. Но она может суживать сознание и вызывать одержимость одной идеей. Тогда духовное освобождение превращается в новую форму прельщения и рабства. Это знают люди, которые идут духовным путём. Никогда не даёт освобождения простое бегство от реальности или отрицание реальности. Духовное освобождение есть борьба. Дух не есть отвлечённая идея, не есть универсалии. Не только каждый человек, но и собака, кошка, букашка есть более экзистенциальная ценность, чем отвлечённая идея, чем общеуниверсальное. Духовное освобождение сопровождается переходом не к абстракции, а к конкретности. Об этом свидетельствует Евангелие. В этом персонализм Евангелия. Духовное освобождение есть победа над властью чуждости. В этом смысл любви. <...> Окончательное освобождение возможно только через связь духа человеческого с духом Божиим. Духовное освобождение есть всегда обращение к большей глубине, чем духовное начало в человеке, обращение к Богу. Но и обращение к Богу может быть поражено болезнью и превратиться в идолопоклонство. Поэтому необходимо постоянное очищение. Бог может действовать только на свободу, в свободе и через свободу. Он не действует на необходимость, в необходимости и через необходимость. Он не действует в законах природы и законах государства.

«Мы ещё вернёмся!»

По выставке работ выдающегося русского художника Павла Дмитриевича Корина (1892–1967), представленной в залах Третьяковской галереи на Крымском валу, ведёт виртуальную экскурсию преподаватель церковного искусства Свято-Филаретовского института профессор А.М. Копировский

Экскурсия, отдельные части которой приведены ниже, имеет довольно далёкие истоки. В мае 1972 года мой однокурсник Юрий Кочетков, будущий отец Георгий, привёл меня в музей Корина¹. В музее были представлены основные работы этого художника, копии и репродукции картин и скульптур, которые он особенно любил, огромная коллекция икон. Попастъ туда было довольно трудно – пускали только организации, причём по предварительной записи за несколько месяцев. Отец Георгий оказался в составе такой экскурсии. В кабинете Корина он увидел лампадку, стоящую перед одной из икон и, заглянув в неё, с удивлением обнаружил там масло. Тогда он, что называется, «прижал к стене» сотрудника музея, который вёл экскурсию (это был ныне широко известный лектор и «экскурсовод всея Руси» Вадим Валентинович Нарциссов) и быстро выяснил истину. После чего тот стал пускать его в музей в любое время, разрешив приводить знакомых и даже целые группы. Я, конечно, как почти каждый посетитель этого музея в те годы, увидев экспозицию, испытал шок. Но мне и во сне не могло тогда прийтись, что я сам буду вести экскурсии по работам Корина...

Это третья большая выставка художника. Вообще, персональные выставки его работ проводились чрезвычайно редко: первая была в 1963-м, вторая – в 1993-м году. И это несмотря на то, что Корин был очень известным и по советским масштабам чрезвычайно успешным художником. Действительный член Академии Художеств, народный художник СССР, лауреат Сталинской (которая позже стала называться Государственной) и Ленинской премий, Корин в последний год жизни был удостоен даже ордена Ленина. Но произведения, за которые он получал награды, были не очень известны (портреты художников Кукрыниксов, Р. Гуттузо, М. Сарьяна, артиста Р. Симонова). Либо, наоборот, слишком известны – так, что сотни тысяч людей пробежали мимо, не обращая на них особого внимания. Я имею в виду его мозаики на станции метро «Комсомольская-кольцевая», на которые пристально смотрят разве

что иностранцы. Не говоря уж о том, что среди них есть совсем неудачные, лучшие из этих мозаик – «Александр Невский», «Дмитрий Донской» – оказались в тупике платформы, где почти не бывает людей. Впрочем, и сама идея создания станции метро, проходной по определению, в виде не то дворца, не то храма – конечно, гримаса советского времени.

Мы любим Корина совсем за другие его произведения. Он остался полностью в русле классического, даже академического, в том числе – и советского искусства. Однако его моделями были в основном не типично советские люди, а типично несоветские: епископы, священники, монахи и монахини, церковный народ... Об этом не раз писали центральные газеты, особые «ревнители» письменно сообщали о предмете его творчества Сталину. Зная о доносах, Корин был готов к аресту в любую минуту и даже держал в прихожей мешок с сухарями. Этого не случилось. Почему – остаётся лишь догадываться.

Зато сохранились все работы, написанные им в страшное время: с 1925 по 1937 год. Речь идёт о знаменитых этюдах к картине, которую сам художник назвал «Реквием». Корин был большим любителем классической музыки. Но слово «реквием» он отождествлял прежде всего не столько с музыкальным произведением на основе католической заупокойной мессы, сколько со Страшным судом, с всеобщим концом. На эту тему он и хотел написать картину – огромную, невероятно выразительную, которая потрясла бы всех, что-то вроде громоподобного «Реквиема» Гектора Берлиоза в музыке. В этом Корина поддерживали его учитель, знаменитый Михаил Нестеров, и покровитель, ещё более знаменитый Максим Горький. Для картины Корина был выткан огромный холст, превосходящий размерами «Явление Христа народу» А. Иванова. Этот холст, как можно увидеть здесь же, на выставке, остался чистым. И всё же...

В книгах отзывов о выставке Корина 1963 года, сохранённых писателем Владимиром Солоухиным, много невероятно эмоциональных записей. «Это как удар в Царь-колокол!» «Это

сравнимо с полётом в космос Гагарина!» «Почему такое искусство показывается в первый раз?» А вот в 1993 году выставка прошла почти незамеченной. Тогда это во многом было оправдано событиями того времени: стрельбой по парламенту и т. д. Но и сейчас выставка не вызвала ажиотажа. Скорее всего, это объясняется негативным отношением к церкви, которое, к сожалению, затрагивает всё больше людей. С одной стороны, церковь считают оплотом государственности, ей доверяют – почти так же как армии. Но если речь заходит о священнослужителях, сразу проявляется более чем критичное к ней отношение. Если бы говорящие это увидели, что написал Корин, может быть, они не стали бы так настаивать на своём мнении...

Толчком к созданию картины послужило погребение патриарха Тихона в Донском монастыре в 1925 году. Корин увидел там вдруг возникшую неизвестно откуда прежнюю Русь. Казалось, её уже не должно быть. Большевичка Александра Коллонтай (известная многим по фильму «Посол Советского Союза») возмущалась: «На седьмом году советской власти ещё существуют церкви!» А здесь перед потрясённым художником предстали не отдельные «реликты», а как будто целый народ... И Корин начинал работать.

Первоначальная идея его картины – погребальное шествие. Потом она существенно меняется и становится шествием в Иосафатову долину, на Страшный суд. Действительно, реквием! Потом художник «привёл», как он сам вспоминает, своих персонажей в Московский Кремль. Вначале – на площадь перед Успенским собором, а потом и внутрь собора. По ходатайству Горького его пускают в Кремль, тогда наглухо закрытый для всех, кроме правителей, и он делает необходимые зарисовки.

Кроме того, на замысел Корина сильно повлияла картина Нестерова «На Руси» («Душа народа»), написанная в 1914–1916 году, на которой изображены идущие ко Христу самые разные люди: юродивые, монахи, священники, епископы, даже царь и богоискатели из интеллигенции: Достоевский, Толстой, Владимир Соловьёв. Но – существенное отличие: шествие персонажей картины

«Мы ещё вернёмся!»

Корин изменил на предстояние. Об этом говорит единственный, сравнительно небольшой её эскиз.

Заметим: работа над эскизом началась очень поздно, в 1935 году, т. е. уже после того, как было написано большинство этюдов к ней. Да, именно так: он начал её с портретов отдельных людей. И одной из самых первых и самых ярких фигур этого сонма стал архиепископ, впоследствии митрополит Трифон (Туркестанов). Видимо, его попросил позировать Корину Михаил Нестеров, духовный сын владыки Трифона. Во многом благодаря этому потом соглашались позировать и другие.

Но начнём мы не с него, а с открывающего экспозицию портрета отца Иоанна из Палеха, родного села художника.

Священник крестом осеняет народ на отпуске по окончании богослужения. Казалось бы, схвачен один момент времени. На самом деле, он длится бесконечно – это не действие, а состояние. Взгляд священника обращён внутрь, создаётся впечатление, что он стоит не перед народом, а перед Самим Христом. Становится понятным его необычный жест: левая рука не опущена, как обычно бывает при отпуске, она лежит на груди, что говорит о глубоком молитвенном состоянии. У некоторых персонажей Корина этот жест сохранится.

Важная деталь: этюд написан по памяти, через 9 лет после расстрела священника. Даже по одному этому портрету можно судить о том, насколько чуждым советской действительности было искусство Корина. Поэтому Горький в защитных целях («Корин, дайте Вашей картине паспорт!») предложил художнику назвать картину не «Рекви-

ем», а «Уходящая Русь». Это не слишком помогало. Художник объяснялся перед чиновниками, почему он выбрал такую натуру, говорил, что хочет показать прошлое. Но в одном из доносов об этом было написано так: «Он говорит об обречённости этих людей, но как-то неуверенно...» На самом деле, когда мы смотрим на картину, то видим христианских мучеников, героев (об этом тоже было сказано в доносе).

Образ отца Иоанна из Палеха вошёл в эскиз картины. Но в нём, как и во всех остальных, видна и «слышна» ключевая нота коринского «Реквиема»: высокий трагизм, отрешённость от окружающего – вплоть до готовности к смерти. Поэтому в названии, данном картине Горьким, есть своя правда...

Впрочем, если бы все персонажи Корина имели на его портретах одинаковую выразительность, это были бы, скорее, плакаты. Нет, акценту художником ставились разные.

Вот тоже палехский священник отец Алексий. Вглядитесь в него.

Это явление страдания, с которого сорваны все покровы, откровенная трагедия. По выражению В. Нарцисова – «православный король Лир»... Перед нами уже не человек, готовый умереть за веру, а тот, кто пережил едва ли не более страшное, чем смерть. Вспоминаются слова псалма: «Все воды Твои прошли надо мною...» И еще: «Я

пролился как вода, все кости мои рассыпались, сердце моё растаяло посреди внутренности моей...» Интересно, что одежда священника не чёрная, когда-то она была тёмно-красной, бордовой, но выцвела, обветшала. Епитрахиль смотрится просто тряпкой. Но именно эти детали усиливают живописность изображения. И последнее в том же ряду, казалось бы, внешних акцентов: у седовласого старца жёлтые усы. Почему? Седые волосы желтеют так только от табака. В портрете это не скрывается, образ священника не приукрашен, не идеализирован. Страшный реализм не противостоит художественности.

Ещё один человеческий тип, резко противопоставленный первым двум: иеромонах Алексий (Сергеев), впоследствии архиепископ.

Совсем другая поза! Надменно приподнятая голова, отодвинутые назад плечи. Бросается в глаза изящная левая рука с необычными чётками. Это старообрядческая лестовка, но понятно, что этот монах не старообрядец. Значит, он украшает себя, как елку. Лестовка роскошная, с серебряным и золотым шитьём, она прекрасно гармонирует с золотым крестом. И при этом – тяжёлый, мрачный взгляд...

Ещё раз посмотрите на лицо и на фигуру в целом. Демоническое начало, точнее, демонская гордыня в образе проступает со всей очевидностью. «Демон» Врубеля рядом с ним – просто ангел, хоть и чуть-чуть закопчённый. Здесь придётся обратиться к истории: иеромонах сдал органам больше 20 своих собратьев из тайной общины Высо-

копетровского монастыря. Корин этого не мог знать, предательство произошло позже, после написания портрета. Однако в лице портретируемого его будущее злодейство уже проступает.

А вот слепой, только не надо называть его нищим. Это певчий Дорогомиловского собора (позже, в 1938 году, взорванного), Данила.

Конечно, вспоминается Веласкес и написанные им карлики благородного вида. А здесь у слепого безобразное, искажённое лицо. Советская художественная критика увидела в нём только несчастного, слабого, забитого, искорёженного жизнью человека. Это, конечно, не так. В нём ощутимо что-то очень глубокое, значительное. Посмотрите на его руки – что он делает? Это поза не слепого, неуверенно «ощупывающего» пространство вокруг себя, а скорее дирижёра! Действительно, Данила был не только певчим, но и регентом, руководителем хора. И на этюде он изображён уверенным, наизусть и с полной внутренней отдачей ведущим пение. Он, кстати, обладал и чувством юмора. Поднявшись в мастерскую Корина на Арбате и услышав внизу обычный городской гул, он кивнул в ту сторону и, усмехнувшись, сказал: «А Вавилон-то шумит...»

Вот, наконец, и архиепископ Трифон. Интенсивность цвета его облачения такая, что рядом трудно стоять, можно обжечься. Облачение пасхальное. Случайно? Нет. Корин мог выбрать его по двум причинам. Во-первых, именно архиепископ Трифон служил последнюю, пасхальную литургию в Успенском соборе Кремля в 1918 году, после чего Кремль был закрыт. Наверное, Корин запомнил владыку именно тогда. Во-вторых, на улицах в те годы было очень много красноты: флаги, лозунги и т. п. В облачении, в противовес всему этому, красный цвет обретает своё изначаль-

ное значение – символа мученической крови и, одновременно, Воскресения. На портрете лицо владыки Трифона, его поза (у него правая рука прижата к груди) говорят и о перенесенных страданиях, и о готовности к новым. Он не сидел в тюрьме. Но в 1914 году, уже будучи епископом, поехал на Первую мировую войну в качестве простого полкового священника, не раз был на передовой и там, в конце концов, получил контузию и потерял глаз. Этим и объясняется его несколько устрашающий взгляд на портрете: левый глаз – стеклянный.

Церковная Москва его обожала. Этому не мешало прозвище, данное ему, аристократу из княжеского рода, человеку высокой культуры, знавшему пять языков – «кухаркин архиерей». Причина: он часто служил ранние литургии (чего архиереи почти никогда не делают): ведь кухарки из-за своей работы на позднюю литургию прийти не могли. Стать монахом он окончательно решил после спектакля, в котором знаменитая актриса Мария Ермолова играла роль Жанны д'Арк. Позже он стал для неё, как и для многих известных артистов – Москвина, Тарханова и других – духовником.

Сохранились фотографии владыки Трифона: мягкие черты, интеллигентное лицо, большая пушистая борода. Совсем не Моисей, идущий впереди народа с жезлом, каким его сделал Корин. В этюде было, вероятно, сознательное педалирование выразительности образа.

Сходный приём – усиление какой-то грани характера – применён и в изображении молодого монаха, точнее, иеродьякона Феодора (Богоявленского)².

Он – один из монахов общины, вы-

данной персонажем, о котором мы говорили выше. Кажется, этот человек готов схватиться со злом хоть сейчас. Художник лишь немного пригасил его взгляд, передав тем самым обращённость внутрь, к созерцанию. Очень хороши мелкие детали: подрясник монаху маловат, поэтому из-под него видны сапоги, а руки немного вылезают из рукавов, что усиливает впечатление готовности к бою. Неизвестно, списаны детали с натуры или они – находка художника.

Позже Корин использовал образ иеродьякона Феодора в одной из своих картин – створке триптиха «Александр Невский». Художник превратил его в богатыря с засученными рукавами и огромным кистенём в руке, типа новгородского ушкуйника. Стоит задуматься: было ли на самом деле такое молодеческое начало в нём или Корин его выдумал? Но даже если так – может быть, не на пустом месте?

Ещё один человек в чёрном подряснике – протодьякон Михаил Холмогоров. Яркое выразительное пятно рук, спокойно сложенных перед собой. У него лицо человека, который много пережил, но трагизма в нём нет, есть мудрость, внутренняя ясность и, главное – естественность. Образ получился вну-

шителным. По технике он даже немного похож на мозаику: мощная красочная лепка, довольно резкие переходы от тени к свету, сочные красные рефлексы. При перенесении этюда на большой холст эти детали, скорее всего, исчезли бы, всё стало бы более гладким. В связи с этим, может быть, стоит вспомнить, как Пушкин отозвался о своём тоже весьма «гладком» портрете работы Кипренского: «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит...» Корин, при всей монументальности созданного им образа, ни лести, ни даже просто любования своим героем не допускает.

В эскизе протодьякон изображён даже дважды, ещё раз – в богослужебном облачении, с высоко поднятой рукой (и, кстати, более молодым). Есть в эскизе и многие другие замечательные личности, написанные Коринным вначале в отдельных этюдах и нами здесь не рассмотренные. Но вот что важно: сильное впечатление, которое возникает от взгляда на каждый этюд в отдельности, в эскизе не суммируется – ведь лиц в нём практически не видно, выразительность живописи в одеждах тоже пропала. И становится понятным, что целое, будь оно написано на огромном холсте, ещё менее было бы единым «хором», чем в эскизе. Потому что в эскизе написанные, напомним, до его создания этюды оказались просто выстроенными в ряд, как на параде.

Впрочем, Корин сам говорил, что хотел показать «последний парад православия». Это выражение сразу вызывает в памяти строчку из знаменитой песни о героической гибели крейсера «Варяг»: «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...» Но здесь, в эскизе, «места» персонажей ещё не найдены до конца. Мы видим этих людей, но они не видят нас, и никто из них не смотрит друг на друга. Полная разъединённость всех со всеми.

И в то же время общее впечатление единства эскиз даёт. Смысловый центр, объединяющий всех, кто здесь изображён, есть, он – перед ними, невидимый зрителю. Это Христос на фреске «Страшный суд», украшающей западную стену Успенского собора. Или, может быть, живой Христос, входящий в храм?..

Не забудем: то, что мы пытаемся увидеть как будущую картину – всего лишь её эскиз, причём первоначальный. Работая над ним дальше, наверное, можно было бы постепенно сформулировать замысел до конца, как великий Александр Иванов в «Явлении Мессии». Но Корину, к сожалению, так сделать не удалось.

Причин тому достаточно. И страшная сталинская эпоха, в которую он жил (прекратить работу над картиной ему настоятельно рекомендовал «лучший друг советских художников» и правая рука Сталина Клим Ворошилов). И то, что время «больших» картин в XX веке, даже раньше, в конце XIX, прошло, и любой грандиозный проект в этой области был обречён на крушение, как «Титаник». И отсутствие у художника ясного замысла. И трудности с воплощением многофигурных композиций, которые у него были (ещё в училище комиссия отвергла его выпускную картину, но удостоила звания художника за этюды к ней).

Нельзя не сказать и о том, что Корин, оставив работу над картиной, стал писать портреты совсем других людей. Среди них были выдающиеся деятели искусства, но не только. Ещё – лётчики, военачальники, представители власти «новой» России, последовательно разрывавшей со своим прошлым. И по внешности, и по духу они – прямая противоположность персонажам «Реквиема».

Кроме того, Корин взялся за исполнение огромного мозаичного фриза для зала заседаний печально известного Дворца

Советов. Прекрасно понимая, на каком месте этот дворец строится¹, он, тем не менее, работал там, по собственным словам, «с увлечением». Фриз, состоявший из колоссальных обнажённых мужских фигур, подобных скульптурам Микеланджело, с экзотически воздетыми вверх руками, назывался «Марш в будущее» – это, конечно, не что иное, как вывернутая наизнанку изначальная идея его картины, «Шестые на Страшный суд». Теперь шестые получили соответствующее завершение: в центре задней стены, к которому с двух сторон двигались фигуры, находился... герб Советского Союза. При этом Павел Корин был по-настоящему верующим, православным человеком, регулярно ходил в храм, дома зажигал лампадки перед иконами (помните эпизод в начале нашего рассказа?). Как это могло совмещаться? О своих внутренних переживаниях Корин никому не говорил. Поэтому остановимся здесь. Вопросы всегда легче задавать, чем отвечать на них.

Если же вернуться к «Реквиему» – это великое произведение именно в том виде, в котором оно было создано. В нём Корин, несмотря на антитворческую атмосферу своего времени, сумел продолжить традиции передвижничества и Серебряного века. В нём же он продемонстрировал, по точному определению исследователя русского искусства советского периода проф. А.И. Морозова, «уже не отпадение от установок соцреализма, но их программное отрицание». И ещё – показал конец русского православия «как символа, средоточия высших ценностей отечественной культуры»⁴.

Приведу в заключение один эпизод, бывший на выставке Корина в Академии Художеств в марте 1963 года. По благословению патриарха Алексия I её посетили священнослужители: архимандрит, впоследствии архиепископ, Пимен (Хмелевский), священник, будущий протоиерей и преподаватель церковной археологии Московской духовной академии Алексей Остапов, и архимандрит, впоследствии митрополит Питирим (Нечаев). Во время осмотра они, по воспоминаниям архим. Питирима, сами стали живыми персонажами выставки. За их спинами всё время звучало: «“Русь уходящая” идёт!» Они идут в гардероб: «“Русь уходящая” уходит!» Идут к выходу: «“Русь уходящая” совсем ушла...» Тогда архимандрит Пимен повернул голову к шутникам и ответил, вызвав общий хохот и аплодисменты: «А мы ещё вернёмся!» Дождёмся ли мы этого?

¹ Уже несколько лет музей-квартира П.Д. Корина в Москве (Малая Пироговка, 16) закрыт на капитальный ремонт.

² До принятия монашества Олег Богоявленский (Федор - его монашеское имя) входил в общину архим. Сергия (Савельева). Большинство членов общины также пережили лагеря и ссылки. Однако так получилось, что те несколько человек, которые отошли от «родной жизни» в общине, физически погибли, остальные через много лет собрались вместе, жили в одном доме и похоронены в одной ограде – ред.

³ На всякий случай напоминаем читателю, что гигантский, более 400 метров высотой, Дворец Советов – символ победы социализма – планировалось построить на месте взорванного храма Христа Спасителя. – ред.

⁴ Павел Корин. Реквием. К истории «Руси уходящей». М., Государственная Третьяковская Галерея, 2013. С. 24. См. также: А.М. Копировский. По ком звучит «Реквием»? // «Русский мир. RU», Август 2012. С. 30–35; сентябрь 2012. С. 40–47. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2012/08/article0007.html>; <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2012/09/article0008.html>.

